

Инееса Голд – Израмена Дракона

Израмена Дракона

Порочная Истинная

Инееса Голд

Инесса Голд

**Измена Дракона.
Порочная Истинная**

«Литнет»

2025

Голд И.

Измена Дракона. Порочная Истинная / И. Голд — «Литнет»,
2025

Дракон слез со своей любовницы, резким движением подскочил ко мне и больно схватил за запястье."На тебе грязная метка, ты мне изменила!" - его глаза наполнились яростью. Не в силах сдерживать слезы, я рассматривала невозможное - метка Истинной стала черной."Я бы никогда..." - умоляюще начала было я."ПРОЧЬ ИЗ МОЕГО ЗАМКА!" - холодно прорычал Бас, мой муж, наследный принц Фирестана.Однотомник. Хэппи-энд.

© Голд И., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Прочь	6
Глава 2. Драконья Роща	8
Глава 3. Пробуждение в Атараксе	10
Глава 4. Единственная подруга	13
Глава 5. Шепот за спиной	15
Глава 6. Новый преподаватель	18
Глава 7. Условия дракона	21
Глава 8. Матч по магниболу	24
Глава 9. Исчезновение	27
Глава 10. Вынужденное перемирие	29
Глава 11. Сумеречные Гончие	32
Глава 12. Запертые ворота	35
Глава 13. Цепи (Бас)	37
Глава 14. Ключ от Запретной секции	39
Глава 15. Темное Слияние	41
Глава 16. Возвращение к учебе	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Пролог

Дверь в его покои распахнулась не со скрипом, а с глухим, рокочущим стоном старого дуба — звук, предвещавший конец света. Моего личного, маленького, до смешного хрупкого мира.

Воздух внутри был густым и теплым, пропитанным чужим, приторно-сладким ароматом ночных цветов и мускуса — не его запахом, не нашим. Сцена, открывшаяся мне, была написана кистью самого порока. На смятых шелках нашей кровати, в том самом месте, где он шептал мне о вечности, его мощное тело двигалось в такт с другим, гибким и чужим. Рыжие, словно языки пламени, волосы разметались по подушкам, которые еще вчера впитывали мои сны.

Мир накрылся. Звуки утонули в вязком гуле, заполнившем мою голову. Я не закричала. Я просто перестала дышать.

Возможно, именно тишина заставила его обернуться. Дракон сошел со своей добычи неторопливо, с ленивой грацией хищника, прерванного во время трапезы. Ни стыда. Ни раскаяния. Лишь холодное раздражение в черных, как оплавленный обсидиан, глазах.

Он сделал шаг ко мне. Второй. А затем резкий, молниеносный рывок — и его пальцы, словно стальной капкан, сомкнулись на моем запястье. Боль была острой, но она не шла ни в какое сравнение с ледяным ужасом, что пронзил меня, когда я проследила за его взглядом.

— НА ТЕБЕ ПОРОЧНАЯ МЕТКА, ПОСМОТРИ! — его рык был не криком, а громом, сотрясающим сами основы замка. Он не просто говорил — он выносил приговор.

Я посмотрела. И реальность рассыпалась миллиардами стеклянных осколков. Там, где еще вчера сиял тонкий, изящный узор — печать вечной любви, нерушимой связи между мной, Илоной Черотти, девчонкой из захолустной деревни, и им, наследным принцем Бастилионом Ванделом, — теперь клубился омерзительный черный сгусток. Не просто чернильное пятно — живая, пульсирующая клякса, выжженная самой преисподней. Знак предательства. Плевков в лицо не ему одному — всему государству.

Вот только я не изменяла.

В отражении огромного зеркала в позолоченной раме я видела бледную, растрепанную тень в одной ночной сорочке, с искаженным от ужаса лицом. Его мускулистая рука сжимала мое запястье так, что кости, казалось, вот-вот обратятся в пыль. Его глаза, те самые бездонные омуты, в которых я тонула с упоением, теперь извергали ледяную ярость.

— Бас... я бы никогда... — голос был не мой, а чужой, сломанный, умоляющий.

За его спиной рыжеволосая дрянь лениво поднялась с постели. Она не пыталась прикрыться. Наоборот, она двигалась с медленной, показной грацией, словно ее нагота была доспехом, а идеальные изгибы тела — оружием, нацеленным прямо мне в сердце. Она плыла по кремовому ворсистому ковру, и ее хитрая улыбка была острее любого кинжала.

— Ох и натворила же дел твоя женушка, принц, — ее голос, тонкий и ядовитый, как звон битого стекла, ударил по ушам.

Я его так сильно люблю.

Или уже любила?

Взгляд Бастилиона был холоден, как зимняя ночь в Винтерсайте. Он смотрел не на меня, а на метку, словно видел перед собой не жену, а чудовище.

— ПРОЧЬ ИЗ МОЕГО ЗАМКА!

Каждое слово было отточенным ледяным клинком, вонзившимся в то, что еще оставалось от моего сердца. Моя сказка, начавшаяся так внезапно, оборвалась еще стремительней. Жестоко. Бесповоротно.

Глава 1. Прочь

— Оденься и выйди! — Бас даже не повернул головы в сторону любовницы. Голос его, лишенный всяких эмоций, был страшнее любого крика. Приказ, не терпящий возражений.

— Но, милый... — пропела было рыжая, делая шаг к нему.

— Мисти! — он отчеканил ее имя, и в этом единственном слове прозвучала угроза. — Живо. Оставь меня с моей... женой.

Последнее слово он выплюнул, как отраву. Шлюха поджала губы, но повиновалась. Схватив с кресла золотистый махровый халат, — мой халат! — она накинула его на плечи, собрала в охапку свои вещи и двинулась к выходу. Ее походка уже не была такой легкой и обольстительной; теперь в ней сквозила спесь победительницы, покидающей поле боя. Дверь за ней беззвучно закрылась.

Он дождался щелчка замка.

— Откуда она у тебя? — он наконец посмотрел мне в глаза. Я попыталась отвернуться, но он не позволил. Властным, жестоким движением он повернул мое лицо к себе. Я молчала, захлебываясь слезами и бессилием.

Он отпустил меня так резко, что я пошатнулась.

— Сядь. На кровать, — приказал он, натягивая свой халат. Это было изощренной пыткой — сесть на ложе его измены, на еще теплые от их тел простыни.

Вместо этого я, собрав остатки воли, опустилась в массивное кожаное кресло у окна. Мой маленький бунт. Бас сел напротив, и между нами повисло тяжелое, удушающее молчание.

— Я повторяю свой вопрос. Откуда у тебя эта метка? — он буравил взглядом мое запястье, словно пытался силой мысли выжечь и его, и меня из своей жизни.

— Я не знаю, — едва слышно прошептала я.

— Ты понимаешь, что это значит? — его голос повысился, сорвавшись на рычание. Он вскочил, и его тень накрыла меня целиком. — Ты привела в мой дом, в МОЙ ЗАМОК, другого мужчину? КАК ТЫ ПОСМЕЛА?!

Прежде чем я успела осознать, его ладонь со свистом рассекла воздух. Удар был хлестким, унижительным. Голову мотнуло в сторону, на щеке вспыхнул огонь, а во рту появился привкус крови.

От страха и боли я отскочила к высокому стрельчатому окну, вжимаясь в холодный камень. Он. Поднял. На меня. Руку. Эта мысль не укладывалась в голове.

— Разве твой дядюшка не рассказывал тебе, что дракону нельзя изменять? — он надвигался, как грозовая туча. Я съезжилась у подоконника. — Разве ты не знала, что метка почернеет? Неужели ты настолько глупа?

И тут что-то внутри меня оборвалось. Страх сменился холодной, звенящей яростью. Яростью загнанного в угол зверя.

— Я НЕ ИЗМЕНЯЛА ТЕБЕ! — я сама не узнала свой голос. Вскочив на ноги, я сделала два шага ему навстречу, оказавшись вплотную к его громадному телу. Задрала голову, я заглянула прямо в его темные, как ночь, глаза. — Ну давай! Ударь меня еще раз!

Он опешил. Явно не ожидал такого отпора. На мгновение в его глазах промелькнуло что-то похожее на замешательство, но оно тут же утонуло в гневе.

— Очень удобно обвинять меня, когда две минуты назад ты сам слез с этой рыжей потаскушки! — я отступила к подоконнику, не разрывая зрительного контакта.

— Я дракон! — прорычал он, словно это было универсальным оправданием.

— А я твоя законная жена! — перебила я. — И что, что ты дракон? Это дает тебе право на разврат? Слушай, я не знаю, откуда эта метка! Но я тебе верна! Спроси у стражи, у слуг! Никто чужой не мог пройти в замок незамеченным!

— А может, кто-то из своих? Прислуга? Охрана? — он цеплялся за любую возможность, чтобы оправдать свою ярость.

— Чушь! Ты мой муж, и я была верна тебе! — я хотела сказать «я люблю тебя», но слово застряло в горле. Любовь только что растоптали, смешали с грязью.

— Я тебе не верю! — отрезал он. — Метка не лжет. Это древняя магия. Ее нельзя подделывать или нарушить.

— Ах, теперь это проклятье? Раньше ты называл это даром! — я демонстративно развела руки. — Называл меня любимой, единственной! Что изменилось после свадьбы, Бастилион?

— Я — наследник престола! Будущий король! — он вновь пытался задавить меня статусом. — Ты должна была понимать, на что идешь!

— А я твоя жена! Будущая королева! И все же именно тебя я застала в постели с другой!

— Не впутывай сюда Мисти! — он меня перебил. — Она знакома со мной с детства! Ты должна это уважать!

— Уважать шлюху, которая скачет на члене моего мужа? — я видела, как на этих словах его челюсти сжались до скрипа. Я попала в цель. — Она ведь не местная, да? Из Стронгорена? Аморф, как и ты. Дай угадаю... лиса?

В космосе его глаз сверкнула молния. Он подался вперед, и я ощутила его горячее дыхание.

Повисла тишина, тяжелая и звенящая. Я едко улыбнулась, не отводя взгляда. Затем раздался оглушительный треск. Его кулак врезался в стену рядом с моей головой, вдавив кирпич внутрь кладки. Осколки камня посыпались на пол.

Он медленно отнял руку от стены, не глядя на сбитые костяшки. И тогда он прошипел. Негромко, но так, что этот шепот оглушил меня громче любого крика.

— Прочь.

Глава 2. Драконья Роща

Что?

Слово застыло на губах беззвучным вопросом. Он не мог этого иметь в виду. Не мог.

— ПРОЧЬ ИЗ МОЕГО ЗАМКА! — рев дракона сорвался с его губ, больше не сдерживаемый ничем. Это был не гнев мужа, а ярость собственника, изгоняющего порченную вещь. Он выдернул окровавленную руку из стены, и капли его крови зашипели, падая на холодный мрамор.

— Но я твоя жена! — этот крик был последним, отчаянным якорем, брошенным в бушующий шторм. Якорем, который не нашел дна.

— Ты предательница с порочной меткой! — в его голосе звенела сталь приговора. — Собирай свои вещи и выметайся. Сейчас же.

— Но на улице ночь! Куда я пойду? — взмолилась я, и эта мольба унизила меня окончательно.

Он не ответил. Вместо этого он размашистыми шагами пересек спальню и одним рывком распахнул тяжелую дубовую дверь. Проем зиял черной, голодной пастью, приглашая в никуда.

— ВОН!

На одно ужасное мгновение я застыла. Часть меня, гордая и сломленная, хотела остаться, вцепиться в этот пол, в это кресло, назло ему. Но другая, более древняя и мудрая, понимала: остаться здесь — значит умереть. Не физически. Умереть душой. Обостренное чувство несправедливости, помноженное на горькое осознание, что уйти — единственно правильный, хоть и невыносимо болезненный выход, толкнуло меня вперед.

Я выбежала в прохладный коридор, захлебываясь рыданиями, не глядя на него, словно его фигура могла выжечь мне глаза.

Вверх по винтовой лестнице. Я не бежала — я летела, не разбирая ступеней. Огоньки в настенных канделябрах угрожающе плясали, отбрасывая на стены рваные, чудовищные тени, которые гнались за мной, пытаясь схватить. Пустота в груди разрасталась, становясь тяжелой, как свинец, отравляя кровь, сковывая ноги.

Не видя ничего из-за обжигающей соленой пелены, я на автомате влетела в свои покои. Комната, еще вчера бывшая моим убежищем, теперь казалась чужой, холодной гробницей. Я схватила дорожную сумку и принялась лихорадочно швырять в нее все, что попадалось под руку.

Вот оно, платье, которое он подарил мне после первого поцелуя. Легкое, как летний ветер. Оно полетело в сумку. Вот гранатово-красные атласные панталоны с кружевами — подарок на свадьбу, намек на грядущие ночи страсти. Мерзость. Зачем я их беру? Зачем мне эти призраки, эти лживые реликвии? Мой разум не отвечал. Руки действовали сами, будто пытаясь ухватить осколки разбитой жизни, не понимая, что они лишь режут пальцы.

Набив сумку под завязку бессмысленным хламом, я больше не думала. Я просто шла. Прочь. Подальше от этого проклятого замка, где стены помнят его ложь, а воздух пропитан его предательством.

Мимо двух ошеломленных привратников, тщетно пытавшихся меня остановить. Мимо придворной конюшни, где до сих пор, казалось, пахло сеном и нашим первым, робким поцелуем. Мимо Аллеи Героев, где холодные каменные изваяния великих воинов прошлого были свидетелями наших прогулок.

Тьма глубокой ночи была моим единственным союзником. Она укутывала замок милосердным саваном, скрывая от меня болезненные очертания мест, где я была так глупо, так беззаветно счастлива. Прошрое, такое близкое, что я все еще чувствовала его фантомное тепло на коже, и такое далекое, словно оно принадлежало другой женщине в другой жизни.

Его слова роились в голове, как ядовитые насекомые. *«Ах, как же я тебя люблю»*. *«Ты изумительна»*. *«Я готов целовать тебя вечно»*. Ложь. Каждое слово — отточенная, искусно преподнесенная ложь.

Я не заметила, как свернула с тракта. Ноги сами привели меня сюда. Драконья Роща. Конечно. Куда еще я могла прийти? Прямо передо мной — место, где мое сердце впервые забилося по-настоящему, где я позволила себе поверить в сказку.

Доверилась. Вручила ему свое сердце с наивной уверенностью, что оно будет в безопасности. А он... он не просто разбил его. Он растоптал его, смачно, со знанием дела, не позволяя мне даже отвести взгляд.

Я подошла к знакомой старой осине, бросила у ее корней сумку и без сил сползла на землю, оперевшись спиной о шершавый ствол. Закрыв лицо руками, я пыталась вычеркнуть, выжечь из памяти последние три месяца. Стереть его лицо, его голос, его прикосновения.

В этот момент где-то рядом громко хрустнула ветка.

Животный, первобытный страх выдернул меня из оцепенения. Я огляделась. Только сейчас я поняла, что продрогла до костей. Тонкая ночная сорочка не защищала от ночной прохлады. Домашние тапочки промокли и были покрыты грязью.

Снова хруст. Теперь за спиной. Кто-то был здесь. В темноте.

Я вскочила, схватив сумку, готовая бежать, но было уже поздно. Из тьмы, с разных сторон, на меня смотрели они. Пары огненно-зеленых глаз, плавающие в ночном мраке. А из невидимых глоток доносился тихий, утробный рык, от которого стыла кровь.

Они вышли на свет луны, и я увидела их. Лесные Вурдалаки. Чудовища из детских страшилок, ставшие явью. Их кожа, покрытая клочьями грязного меха, местами облезла, обнажая гниющие мышцы и кости. С клыкастых челюстей стекала слизь, а в пустых зеленых глазах не было ничего, кроме голода.

Их поведение было странным. Вурдалаки — одиночки. Они не охотятся стаями. И уж тем более их не должно быть здесь, в Драконьей Роще, патрулируемой королевской гвардией. Вывод был один, и он был страшнее самих монстров: это не случайность. Это нападение. Спланированное. И я — его цель.

Их было не меньше десятка. Они медленно, неуклюже сжимали кольцо. Верхние конечности, больше похожие на обрубки с когтями, безвольно болтались, но по мере приближения в них словно возвращалась жизнь. Я видела, как шевелятся обгрызенные костяшки пальцев.

Вот и все. Момент для бегства упущен. Какая нелепая, какая унижительная смерть. Не от клинка врага, не от болезни. Меня просто сожрут. Поужинают принцессой Вандел. О, ужас, я умру с его ненавистной фамилией.

Я закрыла глаза, стиснув зубы, готовая принять неизбежное. Впитать всю боль этого мира, последнее, что он мне оставил.

И в этот момент, сквозь рычание тварей и стук собственного сердца, я услышала чей-то голос.

Чистый. Женский. Невозможный.

Глава 3. Пробуждение в Атараксе

Последнее, что я помнила, — это смрад гниющей плоти и ощущение костлявых пальцев на коже. Холодных, мертвых, скребущих. Мир сузился до голодного рыка вурдалаков и стука собственного сердца, отбивающего последние мгновения.

И вдруг, сквозь этот первобытный ужас, пробился звук, совершенно неуместный здесь, в ночной чаще.

Чистый женский голос. Он не кричал, а произнес одно-единственное слово, незнакомое, но наполненное такой силой, что воздух вокруг затрещал.

Сквозь ресницы, слипшиеся от слез и страха, я увидела размытый силуэт. Лунный свет, прорвавшийся сквозь кроны деревьев, выхватил из темноты прядь волос, отливающую ржавчиной. А затем — вспышка.

Не яростный огонь, не слепящая молния, а мягкий, изумрудно-зеленый свет, который, казалось, исходил из самой земли. Он не обжигал, он окутывал, как кокон. Вурдалаки взвизгнули — тонко, пронзительно, словно его касание чистоты причиняло им невыносимую муку.

Я не упала. Меня словно подхватила невидимая волна, и мир качнулся. Последнее, что я ощутила, был запах озона после грозы и полевых трав из далекого-далекого детства. А потом — тишина и тьма.

Я дрейфовала в серой, безвременной пустоте, где не было ни боли, ни страха. Лишь обрывки голосов, доносящиеся словно из-под толщи воды, нарушали этот покой.

— ...Мисс Черотти! — кто-то звал настойчиво, и тут же поправлялся с ноткой едкой иронии, — Или же теперь Миссис Вандел?

Вопрос ударил, как пощечина, даже здесь, в беспамятстве.

— ...нашли её в таком состоянии несколько дней назад. С тех пор Миссис Доротея ухаживает за ней. — Голос был властным, четким, безэмоциональным. Он не выражал сочувствия, он констатировал. — Нет, никаких видимых травм. Скорее, осязаемый стресс, психологическая подавленность, утомленность.

Ему отвечал очень знакомый голос. Я узнала этот тембр. До боли знакомый, родной, пропитанный тревогой. Дядюшка.

— Дядюшка Бо... где я? Я умерла? Меня съели? — пролепетала я, но слова застряли где-то в вязком тумане, так и не вырвавшись наружу.

Наконец, с неимоверным усилием, словно поднимая каменные плиты, я разлепила веки.

Мир медленно обретал фокус. Высокий сводчатый потолок, стены, уставленные рядами склянок с разноцветными жидкостями, и стойкий, чистый запах целебных трав и антисептика. Лазарет.

У моей койки стояли двое.

Первым я увидела его — моего единственного родного человека. Дядюшка Бо, мой улыбчивый уса́тый толстячок, сейчас совсем не улыбался. Его лицо, обычно румяное и добродушное, было серым, а под глазами залегли глубокие тени. Он выглядел так, словно не спал все те дни, что я была без сознания.

Второй фигурой был ректор Академии Атаракс, мистер Омниус Феникс. Высокий, широкоплечий, как скала, он стоял, заложив руки за спину. Его безупречный парадный камзол сидел как влитой, а из-под него выглядывал ослепительно-белый воротник рубашки. Все в нем — от жесткой линии подбородка до пронзительного взгляда темных глаз — кричало о власти и контроле.

— Миссис Вандел, — его голос был таким же монотонным и выверенным, как и в моем туманном бреду. — Рад видеть, что вы пришли в себя. Мы нашли вас без сознания на территории академии, на задворках арены по магниболу.

Он говорил, а я смотрела на него, пытаюсь понять, как я здесь оказалась. Арена... это так далеко от Драконьей Роши.

— Мы послали гонца во дворец, к вашему мужу, — продолжил ректор, и при упоминании Баса внутри меня что-то сжалось в ледяной комок. — К сожалению, его высочество принца Бастилиона не удалось разыскать. Он в отъезде.

В его тоне не было и тени сожаления. Лишь холодная констатация факта, которая звучала как приговор. *Он даже не искал меня.*

— Ваш дядюшка прибыл немедленно, — Феникс кивнул в сторону Бо. — Ему будет выделена комната в третьем корпусе до вашего полного выздоровления.

Он преподнес это как великую милость, на которую я не имела права.

— Спасибо, господин ректор, — с трудом выдавила я. Голос был хриплым и чужим.

— А сейчас я вынужден вас покинуть. Подготовка к новому учебному году не ждет. — Он учтиво склонил голову, резко развернулся на каблуках и покинул палату. Его шаги гулко отдавались в наступившей тишине.

Как только дверь за ним закрылась, воздух в комнате словно стал чище. Дядюшка Бо тут же опустился на край моей кровати, и его большие теплые руки накрыли мою.

— Ну вот, а я уже собирался местных кухарок соблазнять, хе-хе, — заговорщицки прошептал он, пытаюсь вернуть в мир привычные краски. — А ты, егоза, решила проснуться. Говорят, миссис Доротея — настоящая волшебница. Судя по количеству этих банок, я склонен ей верить.

— Спасибо, что приехал, дядюшка, — прошептала я, и глаза предательски защипали. — Мне сейчас очень нужна поддержка.

Его улыбка погасла. Он серьезно посмотрел на меня.

— Расскажи мне все, девочка моя. Все с самого начала.

И меня прорвало. Захлебываясь слезами, сбиваясь и повторяясь, я выплеснула на него всю грязь и боль той ночи. Рыжую потаскушку на нашей кровати. Его ледяной гнев. Черную метку, расцветшую на моем запястье. Унизительную пощечину. И его последние, выжженные в моей памяти слова: «ПРОЧЬ ИЗ МОЕГО ЗАМКА!». О вурдалаках и таинственной спасительнице я умолчала. Это воспоминание было слишком хрупким, слишком похожим на бред воспаленного сознания. Я боялась, что если произнесу это вслух, оно рассыплется пылью.

Дядюшка слушал молча, не перебивая. Его пальцы крепко сжимали мою руку, а лицо каменело с каждым моим словом. Когда я, обессиленная, замолчала, он не задал ни одного вопроса. Он не усомнился ни на секунду. Он просто верил.

А потом он медленно и очень осторожно отодвинул рукав моей больничной сорочки. Его взгляд упал на уродливый черный вихрь на моем запястье. В его глазах я не увидела осуждения или безразличия. Только холодную, бескомпромиссную ярость.

— Этот щенок Вандел, — прорычал он так тихо, что это было страшнее крика, — заплатит за каждую твою слезинку. Я клянусь своей жизнью.

Он крепко, но бережно обнял меня, и я позволила себе на мгновение снова стать маленькой девочкой, ищущей защиты.

Отстранившись, он посмотрел мне прямо в глаза.

— Слушай меня внимательно, Илона. Твоя сказка закончилась. Теперь начнется война. Эта метка... она не исчезнет. Для всех в этой Академии, во всем Фирестане, ты — изменница. Жена, предавшая принца. Тебя ждут насмешки, презрение, шепот за спиной. Ты должна стать сталью. Поняла меня?

Я молча кивнула. Слезы высохли. На их месте рождалось что-то другое. Холодное. Твердое.

— И еще одно, — добавил дядюшка, понизив голос. Его взгляд стал острым, цепким. — Ректор. Его милость вызывает у меня вопросы. По всем законам чести, после такого скандала

тебя должны были с позором вышвырнуть из Академии, а не предоставлять твоему дяде комнату. Он оставил тебя здесь не из доброты. Он что-то задумал, Илона. Этот человек опасен. Не доверяй ему. Ни единому его слову.

Он отпустил мою руку и поднялся.

— А теперь отдыхай. Тебе нужны силы. Я схожу, разузнаю, что тут и как, и вернусь вечером.

Он ободряюще мне подмигнул, но я видела, что за этой напускной бодростью скрывается тревога. Дверь за ним тихо закрылась, и я осталась одна.

Я лежала неподвижно, глядя в потолок. Лазарет погрузился в тишину, нарушаемую лишь тихим бульканьем в каком-то перегонном кубе и моими собственными мыслями, которые больше не были похожи на паническое метание. Они строились в четкие, холодные ряды.

Он меня не искал. Пока я, возможно, умирала в лесу, он был «в отъезде». Вероятно, утешался в объятиях своей рыжей лисицы.

Ректор что-то задумал. Человек его положения не делает ничего просто так. Я для него — фигура на шахматной доске. Но в какой игре?

Я медленно подняла правую руку. На тонком запястье, где еще недавно сияла нежная вязь нашей связи, теперь клубился уродливый черный вихрь. Он не был просто рисунком. Он казался живым, холодным на ощупь, словно кусочек вечной ночи впитался в мою кожу.

Порочная метка. Клеймо предательницы.

Я смотрела на нее долго, без слез и жалости к себе. Боль никуда не делась, она просто сжалась в тугую, раскаленный шар в груди. Но поверх нее нарастала броня.

Принцесса Илона Вандел умерла в ту ночь в покоях своего мужа. Девочка, мечтавшая о любви, была сожрана вурдалаками в Драконьей Роще. Та, что проснулась в этом лазарете, была кем-то другим.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/56Bg> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 4. Единственная подруга

Я думала, что больше никогда не увижу этих стен изнутри.

Еще месяц назад моя жизнь неслась по совершенно другой колее. Я, Илона Вандел, новоиспеченная принцесса, должна была оставить учебу после первого курса. Таков был негласный закон. Супруга наследного принца не сидит за партой, она учится управлять двором. Мое место было в Солнечном Замке, а не в студенческом общежитии. Ирония судьбы оказалась жестокой: теперь это общежитие — единственное место во всем мире, которое я могла назвать домом.

Дверь в палату открылась. Миссис Доротея, главная целительница, вошла с какой-то холодной отстраненностью.

— Физически вы здоровы, — заключила она после короткого осмотра. Ее взгляд был похож на скальпель — точный, бездушный, ищущий изъяны. — Хотя я до сих пор не могу понять природу вашего истощения. Мы нашли вас три дня назад. У Западных ворот. Вы были без сознания, но без единой царапины. Никто не знает, как вы там оказались.

Три дня. Значит, я провалялась в беспмятстве целых три дня. И ее слова подтверждали официальную версию ректора, которая совершенно не сходилась с моими последними, рваными воспоминаниями.

— Вот, — она протянула мне флакон с перламутровой жидкостью. — Восстанавливающее. Принимайте перед сном. Можете возвращаться в свою комнату. Учебный год начинается завтра.

Я шагнула в гудящие коридоры Академии. И сразу же попала под перекрестный огонь сотен взглядов. Новость о моем позорном возвращении, приправленная тайной трехдневного отсутствия, разлетелась быстрее чумы. Я была не просто изменницей. Я была ходячей загадкой, скандалом, развлечением для скучающих аристократов.

Каждый шепот, каждый смешок за спиной был ударом хлыста. Я видела, как бывшие приятельницы отворачиваются, как заносчивый Грегор Сетерик что-то мерзко шипит своим друзьям, глядя прямо на меня. Внутри все кипело от бессильной ярости. Не на них — на него. На Бастилиона. Это он выставил меня на это позорище. Он, не разобравшись, не выслушав, вынес приговор и швырнул меня на растерзание этой толпе.

Наконец — спасительная дверь в мою комнату. Руки дрожали. Ключ не сразу попал в скважину. Комната была пуста. И эта тишина была оглушительной. Неужели и Сонна?..

Дверь с грохотом распахнулась. На пороге стояла она, моя Сонна, с подносом, уставленным кружками и печеньем. Увидев меня, она замерла, а потом ее лицо озарилось таким облегчением, что я едва не разрыдалась.

Она молча поставила поднос, подошла и сгребла меня в объятия. Крепкие, надежные, настоящие. И я сломалась. Не от горя — от благодарности.

— Я знала, что ты здесь! — наконец сказала она, когда я немного успокоилась, усевшись с кружкой чая. В ее голосе звенела сталь. — Весь кампус гудит. Рассказывают такие гадости...

— Это все ложь, Сонна, — тихо произнесла я.

— Я знаю, — отрезала она. — Ты, которая ночами зубрила, чтобы доказать, что достойна своего выигрышного билета, ты бы никогда. А теперь рассказывай. Я хочу знать имя каждого ублюдка, причастного к этому.

И я рассказала. О рыжей бестии, о его слепой ярости. Мой голос дрожал, но уже не от слез, а от гнева.

— Он не просто выгнал меня, Сонна. Он судил меня. Стоял там, со своей шлюхой, и смотрел на меня так, будто я что-то мерзкое, что он соскреб со своего сапога. Он даже не дал мне слова сказать! Поверил кляксе на коже больше, чем мне! — Я со стуком поставила кружку. — Я его ненавижу. Слышишь? Ненавижу!

— Правильно, — кивнула Сонна с мрачным удовлетворением. — Это здоровое чувство.

— Но это не самое странное, — я понизила голос, сама не веря своим словам. — Когда я убежала из замка, я оказалась в Драконьей Роще. И на меня напали. Вурдалаки. Целая стая. Глаза Сонны расширились.

— Но... их там быть не может. Это патрулируемая зона.

— Вот именно. Они почти схватили меня, и вдруг... я услышала женский голос. Увидела зеленый свет. И все. Следующее, что я помню, — это лазарет. А миссис Доротея говорит, что меня нашли на задворках арены. Как я попала из рощи на арену академии? Кто была та женщина? Я схожу с ума, Сонна? Может, это все был бред?

Сонна нахмурилась, напряженно размышляя. Ее практичный ум натуралиста всегда искал логические связи.

— погоди, — сказала она медленно, глядя на меня в упор. — Это еще не все. В слухах есть еще кое-что. Все обсуждают не только тебя. Принц Бастилион... он исчез.

Я замерла. — Как исчез? Ректор сказал, он в отъезде.

— «В отъезде», — фыркнула Сонна. — Официальная версия для идиотов. Никто не видел его с той самой ночи. Он просто испарился. Его нет ни в замке, ни в столице. Гвардейцы сбились с ног.

Новость ошеломила меня. Он обвинил меня, вышвырнул... и пропал? Это не имело никакого смысла.

Сонна подошла к двери и с громким щелчком задвинула засов. Этот звук прозвучал как выстрел, объявляющий начало войны.

Она повернулась ко мне, и в ее карих глазах плясали яростные огоньки.

— Так. Значит, он обвиняет тебя, выгоняет, на тебя нападают вурдалаки там, где их быть не должно, кто-то таинственный тебя спасает, и после этого вы оба исчезаете на три дня? Илона, это не просто измена. Это какая-то грязная, вонючая интрига. И мы докопаемся до правды.

Она решительно села напротив.

— Пусть болтают. Здесь — наша крепость. А завтра мы пойдем на занятия и посмотрим им всем в глаза. Вместе.

Я посмотрела на свою подругу, и впервые за эти бесконечные дни почувствовала не только ненависть и боль, но и азарт.

Глава 5. Шепот за спиной

Рассвет прокрался в нашу комнату серым, безрадостным светом, который, казалось, лишь подчеркивал пылинки, танцующие в воздухе. Я проснулась от кошмара, в котором черная метка на моем запястье разрасталась, обвивая меня ядовитыми чернильными лозами. На мгновение, в полудреме, я была еще принцессой Илоной в шелковых простынях Солнечного Замка. Но холод грубой ткани общежитского матраса и знакомый запах сырости вернули меня в реальность.

Сонна уже была на ногах. Я наблюдала за ней из-под ресниц. Моя подруга была полной моей противоположностью. Если я была гибкой ивой, то Сонна — коренастым дубом. Невысокая, крепко сбитая, с широкими плечами и сильными руками, которые могли с одинаковой легкостью пересадить капризный лунный терновник или врезать наглецу. Ее каштановые волосы, густые и непослушные, жили своей жизнью и сегодня были кое-как стянуты в хвост кожаным шнурком, из которого уже выбились несколько упрямых прядей.

Она стояла у окна, сосредоточенно бормоча что-то под нос и опрыскивая свои магические растения из пульверизатора. Её присутствие было якорем в моем шторме — молчаливое, надежное, незыблемое.

Я села на кровати и заставила себя посмотреть на свою руку. Уродливый черный вихрь никуда не делся. Он был частью меня. Я подошла к треснувшему зеркалу, висевшему над умывальником. Из него на меня смотрела незнакомка — бледная, с лихорадочным блеском в глазах и темными кругами, которые не смог бы скрыть ни один маскирующий эликсир.

Хватит прятаться.

Решение пришло внезапно, острое и ясное, как удар кинжала. Я намеренно закатала рукава своей учебной рубашки до локтей, выставляя клеймо на всеобщее обозрение. Пусть смотрят. Пусть пялятся. Это не мой позор. Это их приговор, вынесенный без суда, и я буду носить его как вызов.

Сонна обернулась, заметила мой жест. Ничего не сказала. Только понимающе, с мрачным одобрением кивнула.

Мы оделись в молчании. Плотная серая ткань академической мантии ощущалась как броня.

Большой Зал гудел тысячей голосов. Сотни студентов, вернувшихся с каникул, завтракали, смеялись, обменивались новостями. Звон серебряных приборов, запахи свежего хлеба и жареного мяса — все это было таким обыденным, таким нормальным, и от этого контраста с моим внутренним состоянием становилось только хуже.

Мы вошли, и гул начал стихать. Не резко, а волнами, словно звук всасывала невидимая воронка, эпицентром которой была я. Разговоры обрывались. Головы поворачивались. Вилки замирали на полпути ко ртам. А потом тишину прорезал шепот. Он поднимался со всех сторон, сливаясь в единый, липкий, ядовитый гул.

Студенты расступались перед нами, создавая пустой коридор в толпе. Я чувствовала их взгляды на своей коже, как прикосновения сотен ледяных пальцев. Они не смотрели мне в лицо. Они пожирали глазами метку на моем запястье.

Мы направились к длинному столу нашего факультета натуралистов. Несколько первокурсников, которые уже сидели там, торопливо вскочили, бормоча извинения, и, схватив свои тарелки, практически убежали на другой конец зала. Мы с Сонной опустились на скамьи в оглушительной тишине, окруженные пустым, зачумленным пространством в несколько метров.

Сонна с нарочито громким стуком поставила на стол наши тарелки с овсянкой. Это был ее маленький акт неповиновения. Я заставила себя взять ложку, хотя каша казалась комком клейстера, который невозможно было проглотить.

Первой лекцией была История Магии. Старый мейстер Элиас, чья борода была длиннее его памяти, кажется, был единственным человеком в Академии, не знавшим о последних новостях. Он монотонно бубнил о предпосылках Войны Древних Родов, рисуя на доске замысловатые генеалогические древа.

Но я не могла сосредоточиться. Я чувствовала их. Сотни глаз, сверливших мой затылок. Это было физически ощутимо, как тяжесть. Затем легкий свист — и что-то ударило меня между лопаток. Я не вздрогнула. Медленно, не оборачиваясь, я нагнулась и подняла с пола скомканный клочок пергамента. Под столом я развернула его.

Одно слово, нацарапанное углем. Шлюха.

Я сжала бумажку в кулаке. Ногти впились в ладонь, оставляя четыре багровых полумесяца. Боль отрезвляла. Сонна, сидевшая рядом, увидела, как напряглись мои плечи. Ее рука метнулась под стол и накрыла мою. «Кто?» — беззвучно спросили ее губы. Я отрицательно качнула головой. «Не надо, — прошептала я. — Не доставляй им удовольствия». Я заставила себя снова посмотреть на мейстера и сделала вид, что записываю, хотя буквы плясали перед глазами.

Когда прозвенел колокол, я почувствовала облегчение. Но оно было преждевременным.

Едва мы вышли в коридор, как путь нам преградила группа студентов с факультета менталистов. Впереди, расставив ноги и скрестив руки на груди, стоял он. Грегор Сетерик. Наследник одного из богатейших родов Фирестана, известный своей заносчивостью и презрением ко всем, кто стоял ниже него по социальной лестнице.

Его светлые волосы были идеально уложены, мантия сшита из дорогого сукна, а на лице играла самодовольная, жестокая ухмылка. Он всегда недолюбливал меня — выскочку-лотерейщицу, которой еще и посчастливилось стать невестой принца. Теперь у него был повод для открытой ненависти.

— Надо же, какие люди! — его голос прозвучал громко, намеренно привлекая внимание всех в коридоре. — Я-то думал, после такого позора у тебя хватит остатков совести не появляться здесь. Или ты уже ищешь новых... клиентов?

Его свита мерзко загоготала.

Сонна шагнула вперед, становясь между мной и ним. Ее кулаки сжались.

— Закрой свой поганный рот, Сетерик, — прорычала она, — пока я не заставила ядовитый плющ прорасти у тебя в глотке!

Грегори лишь лениво махнул рукой, отмахиваясь от нее, как от назойливой мухи. Его взгляд был прикован ко мне.

— Скажи, а принц хорошо платит за измену? Или ты это по доброте душевной? — он сделал шаг ближе, его голос стал тише, но ядовитее. — Наверное, решила, что раз уж ты из грязи, то и вести себя надо соответственно. Грязь всегда тянется к грязи.

Это было последней каплей.

Что-то холодное и острое пронзило меня. Я отстранила Сонну и сделала шаг вперед, оказавшись лицом к лицу с Грегором. Коридор затих. Все ждали.

Я посмотрела ему прямо в глаза. Мой голос был тихим, но в наступившей тишине он прозвучал, как звон разбитого стекла.

— Мое происхождение, Сетерик, — это то, что я не выбирала. Но моя честь — это то, чего тебе с твоими деньгами никогда не купить. И если ты еще раз откроешь свой рот в мою сторону, я обещаю, ты об этом очень сильно пожалеешь. И плющ в твоей глотке, — я сделала паузу, глядя на его самодовольное лицо, — покажется тебе букетом роз.

На мгновение он опешил. Толпа замерла. Никто не ожидал такого ответа от забитой девчонки с порочной меткой. Его лицо побагровело от ярости. Он хотел что-то сказать, но слова застряли у него в горле.

Я не стала дожидаться. Схватив Сонну за руку, я развернулась и пошла прочь, рассекая притихшую толпу.

Мы дошли до уединенного внутреннего дворика с заброшенным фонтаном, прежде чем напряжение отпустило меня. Меня затрясло.

— Ты была великолепна! — выдохнула Сонна, ее глаза горели восхищением. — Видела его лицо? Он чуть не лопнул!

— Теперь он от меня не отстанет, — горько усмехнулась я, опускаясь на каменный бортик фонтана.

— Ну и пусть, — решительно сказала Сонна, садясь рядом. — Зато теперь они знают, что ты не беззубая овца. Это был только первый день, Илона. Будет хуже. Я это знаю.

Я подняла голову и посмотрела на высокие, величественные шпили Академии, устремленные в серое небо. Они больше не казались мне символом надежды. Теперь это были зубцы крепости, которую мне предстояло защищать. Или штурмовать.

— Я знаю, — сказала я твердо, и дрожь унялась. — Но я не уйду. Это мое место. Я его выиграла. И я буду за него драться.

Глава 6. Новый преподаватель

После моего столкновения с Грегором Сетериком война перешла в партизанскую фазу. Открытых нападков больше не было, но враждебность стала густой и вязкой, как болотная топь.

Она чувствовалась в том, как перед нами с Сонной расступалась толпа, в том, как затихали разговоры, когда мы входили в библиотеку, в том, как никто не хотел садиться с нами за один лабораторный стол на зельеварении. Мы стали островом, омываемым морем презрения.

Я нашла свое убежище среди пыльных фолиантов.

Библиотека Атаракса была древней, как сами стены Академии, и пахла пергаментом, увядающей магией и временем. Здесь, в тишине, я могла дышать. Я искала. Не зная точно, что именно. Любые упоминания об искажении истинных меток, о темных ритуалах, способных повлиять на связь, о таинственных зеленых вспышках и вурдалаках, охотящихся стаями. Я перерывала ветхие трактаты и запрещенные свитки, но не находила ничего. Это было похоже на попытку собрать разбитое зеркало в темной комнате.

Сонна была моим неизменным часовым. Она садилась за стол напротив, раскладывала свои учебники по гербологии и делала вид, что зубрит, но я знала — она на страже. Ее присутствие было моим щитом от косых взглядов и ядовитого шепота. Мы почти не говорили о случившемся. Все уже было сказано. Теперь мы просто были. Вместе. Против всех.

Эта хрупкая, напряженная стабильность рухнула в четверг, во время обеда.

Большой Зал, как всегда, гудел. Но внезапно звон серебряного колокольчика, установленного на преподавательском возвышении, заставил гул стихнуть. Ректор Омниус Феникс поднялся со своего резного кресла. Его фигура в черной мантии на фоне огромного витражного окна казалась монументальной и зловещей.

— Студенты, — его голос, усиленный легким заклинанием, разнесся под высокими сводами. — Внимание. Учитывая беспокойные времена и растущую угрозу в диких землях, попечительский совет Академии совместно с Королевским Двором принял решение усилить практическую подготовку. С этого дня для всех курсов вводится новая обязательная дисциплина: «Магическое Ориентирование на Местности».

По залу пронесся недовольный гул. Еще один предмет означал еще больше зубрежки и меньше свободного времени.

Ректор поднял руку, призывая к тишине.

— Этот курс научит вас выживать, отслеживать магические аномалии и противостоять угрозам за пределами защищенных стен. И вести его будет специалист, чей опыт в этих вопросах не подлежит сомнению. Человек, закаленный в битвах, маг, чье имя известно всему Фирестану.

В зале повисло напряженное ожидание. Ректор сделал паузу, обводя студентов тяжелым взглядом. Мне показалось, или его глаза на долю секунды задержались на мне? На его губах промелькнула тень усмешки, такой тонкой, что я могла ее просто вообразить.

— Прошу приветствовать вашего нового преподавателя, — произнес он медленно, смакуя каждое слово. — Мастера Бастилиона Вандела.

Если бы в этот момент в Большом Зале взорвалась молния, эффект был бы слабее.

Я замерла. Ложка с недоеденным супом застыла на полпути к моему рту. Воздух в легких кончился. Мир сузился до оглушительного стука крови в ушах. Рядом со мной Сонна выронила вилку. Она с оглушительным звоном ударилась о тарелку, и этот звук в наступившей мертвой тишине прозвучал как выстрел.

Сотни голов, как по команде, повернулись в нашу сторону. Я чувствовала себя бабочкой, приколотой иглой к доске. Их взгляды были смесью шока, злорадства и жадного любопытства. Драма, за которой они наблюдали издали, только что ворвалась в их жизнь.

И в этот момент он вошел.

Тяжелые створки дверей Большого Зала распахнулись, и на пороге появился Бас. Но это был не тот лощеный, самодовольный принц, которого я знала. За прошедшую неделю он изменился. Исчезла вальяжность столичного повесы. Он похудел, скулы на лице заострились. Под глазами залегли темные тени, говорящие о бессонных ночах.

На нем была простая темная туника, кожаные штаны и высокие дорожные сапоги — одежда воина, а не аристократа. Но самой разительной переменной был его взгляд. В черных, как обсидиан, глазах больше не было огня похоти или высокомерия. Там плескалась холодная, сдерживаемая ярость и глухая, всепоглощающая усталость.

Он не удостоил взглядом ни ректора, ни замерших в шоке студентов. Его глаза, словно два хищных сокола, просканировали огромный зал и мертвой хваткой вцепились в меня.

Наши взгляды встретились через десятки метров. Время остановилось. В его глазах я не увидела ни капли раскаяния. Только голую, несгибаемую решимость. Он пришел сюда не просить прощения. Он пришел за мной.

Первая лекция-инструктаж была назначена сразу после обеда. Вся Академия в полном составе набилась в самую большую аудиторию, похожую на амфитеатр. Воздух был так наэлектризован, что, казалось, вот-вот затрещит озоном.

Бас стоял на кафедре, но не опирался на нее. Его присутствие заполняло все пространство. Он говорил отрывисто, рублено, голосом человека, привыкшего отдавать приказы, а не читать лекции.

— Предмет называется «Магическое Ориентирование». Но вы будете учиться не по картам. Вы будете учиться читать лес, горы, следы зверей и магические эманации. Вы будете учиться выживать, когда вокруг нет никого, кто мог бы вам помочь. Дисциплина — абсолютная. За неподчинение приказу на практическом занятии — немедленное отчисление. Вопросы?

Вопросов не было. Студенты, даже самые отпетые задиры вроде Грегора, сидели тихо, подавленные его аурой неприкрытой силы.

Во время своего короткого монолога он ни разу не посмотрел в мою сторону. Но я чувствовала его. Каждое слово, каждая угроза были адресованы мне. Он строил клетку, и я была единственной птицей, для которой она предназначалась. Я сидела, вцепившись пальцами в деревянный край парты так, что костяшки побелели. Дышать было трудно. Хотелось вскочить, закричать, убежать. Но я заставила себя сидеть прямо и смотреть на него, хотя каждый его взгляд ощущался как физический удар.

Когда лекция закончилась, и студенты, возбужденно перешептываясь, хлынули к выходу, я попыталась затеряться в толпе. Не вышло.

Мощная рука схватила меня за предплечье и втянула в пустую нишу за гобеленом. Сонна, шедшая рядом, ахнула и шагнула было за мной, но Бас, не глядя на нее, бросил через плечо одно слово:

— Уйди.

В его голосе было столько холодной угрозы, что даже храбрая Сонна замерла, а потом, с ненавистью посмотрев на него, отступила.

Мы остались одни в полумраке. Он все еще держал меня за руку. Его прикосновение обжигало даже сквозь ткань мантии.

— Я здесь из-за тебя, — его голос был тихим, почти шепотом, но от этого еще более весомым.

— Отпусти меня, — прошипела я, пытаюсь вырваться.

Он не отпустил.

— Ты вернешься в замок. Сегодня же. Я буду держать тебя под надзором.

Кровь ударила мне в голову.

— Я тебе не вещь, которую можно вернуть! Не сломанная игрушка! Ты сам вышвырнул меня! Теперь живи с этим!

— Ты не понимаешь, — он подался ближе, и я почувствовала запах озона, пыли и чего-то дикого, звериного, исходившего от него. — Мой дракон... он тянется к тебе. Даже с этой... грязной меткой. Это разрывает меня изнутри. Печать трещит. Я не сплю. Не ем. Я должен держать тебя рядом, где смогу контролировать. Это не просьба. Это условие моего выживания.

Я на мгновение замерла, ошеломленная его словами. Часть меня, та глупая, наивная девочка, которая все еще жила где-то в глубине, хотела его пожалеть. Но потом я вспомнила его лицо в ту ночь. Его холодные глаза. Его любовницу в нашей постели.

Я собрала всю свою волю и злость в кулак и с силой дернула руку. На этот раз он не удержал.

— Твои проблемы с твоим драконом меня больше не касаются, — отчеканила я, глядя ему прямо в глаза. — Я — студентка Академии Атаракс. А ты — мой преподаватель. И это все, что теперь нас связывает.

Я развернулась и вышла из ниши, не оборачиваясь. Мое сердце колотилось о ребра, как обезумевшая птица. Но я не показала ему ни страха, ни слабости. Я чувствовала его взгляд на своем затылке — тяжелый, обжигающий, обещающий, что это только начало.

Моя тюрьма только что стала намного теснее. И надзирателем в ней был мой собственный муж.

Глава 7. Условия дракона

Вечером наша комната превратилась в военный штаб. Сонна заперла дверь на засов и задернула плотные шторы, отрезая нас от остального мира. Я сидела на кровати, обхватив колени руками, и пересказывала ей разговор с Басом. Каждое его слово, произнесенное вслух, отдавалось в моей памяти едкой горечью.

— Он шантажирует тебя! — вскипела Сонна, расхаживая по комнате, как тигрица в клетке. Ее обычно доброе лицо исказилось от гнева. — «Мой дракон страдает, вернись ко мне, будь моей грелкой!» Какая дешевая, отвратительная манипуляция! Он просто не может вынести мысли, что ты больше не под его каблуком. Сначала изменяет, потом выгоняет, а теперь пытается вернуть, прикрываясь своим драконьим естеством!

— Возможно, — тихо сказала я, глядя в стену. — Но я видела его глаза, Сонна. Он не врал. Не в этот раз. Он действительно на грани. В нем... что-то сломано. И это пугает меня еще больше. Человек на грани способен на все, чтобы избавиться от боли.

Мы замолчали. Воздух в комнате стал тяжелым. Мы обе понимали, что я попала в ловушку. Он — преподаватель. Я — студентка. Он обладает абсолютной властью на своих занятиях, а его предмет — обязательный для всех.

— Значит, будем играть по правилам, — наконец решительно сказала Сонна, останавливаясь передо мной. — По его правилам. Ты — прилежная студентка. Он — строгий наставник. Ни шагу в сторону. Любое превышение полномочий, любое действие, выходящее за рамки учебного процесса, — и мы идем к ректору. Это наш единственный щит. Хлипкий, но другого нет.

Я кивнула. Это был наш единственный путь. Путь по лезвию ножа.

Первое практическое занятие было назначено на следующее утро. Нас всех собрали на опушке Темнолесья — мрачного, древнего леса, который начинался сразу за стенами Академии. Воздух здесь был влажным и пах прелой листвой, грибами и скрытой опасностью. Студенты нервно перешептывались, ежась то ли от утренней прохлады, то ли от дурной славы этого места.

Бас появился из-за деревьев бесшумно, как хищник. Все та же простая дорожная одежда, но теперь на его поясе, в потертых кожаных ножнах, висел тяжелый охотничий нож. Он остановился перед строем, и его взгляд был холоден, как сталь. Он обвел нас всех, не задержавшись на мне ни на секунду, но я чувствовала его внимание каждой клеткой кожи.

— Ваша задача проста, — его голос резал воздух, как клинок. — Пройти по этой тропе до старого дольмена. По пути я расставил два десятка магических ловушек. Простейших. Силки, звуковые сигнализации, мороки. Ваша цель — обнаружить и нейтрализовать их. Работать будете в парах.

Он начал зачитывать список, который держал в руке. Сонну он поставил в пару с каким-то тихоней-первокурсником. Я затаила дыхание.

— Сетерик и Вандел.

Я замерла. Рядом выругался Грегор. Это не могло быть случайностью. Это был расчет. Холодный, жестокий, продуманный. Поставить меня в пару с человеком, который ненавидит меня больше всех в Академии. Изолировать. Сделать уязвимой.

Сонна шагнула вперед.

— Мастер Вандел, я протестую! Это несправедливо!

Бас медленно повернул голову в ее сторону. Он не повысил голос. Он просто посмотрел на нее. И в этом взгляде было столько ледяной власти, что Сонна поперхнулась словами и отступила.

— В реальной жизни, мисс Селтис, вы не выбираете союзников, — отчеканил он. — Вы работаете с тем, что есть. И молитесь, чтобы ваш напарник не оказался полным идиотом, который подставит вас под удар. А теперь — выполнять.

Мы двинулись в лес. Грегор шел рядом, демонстративно держась на расстоянии, словно боялся заразиться.

— Только не отставай, деревенщина, — процедил он сквозь зубы. — Не хватало еще, чтобы я из-за тебя провалил задание. Или подцепил какую-нибудь хрень типа той, что у тебя на руке.

— Я бы на твоём месте больше беспокоилась о том, чтобы твоё раздутое эго не застряло между двух деревьев, Сетерик, — парировала я, не глядя на него.

Первые несколько ловушек мы нашли без труда. Простые растяжки, зачарованные на оглушающий визг, или замаскированные ямы. Но наше «сотрудничество» было пыткой. Он язвил, я огрызалась. Мы двигались в облаке взаимной ненависти.

А потом мы вышли на развилку. Две абсолютно одинаковые тропы уходили вглубь леса.

— Очевидно, что левая, — самоуверенно заявил Грегор. — Я чувствую остаточную эманацию от преподавателя. Он шел здесь.

— Нет, — я покачала головой, вглядываясь в детали. — Посмотри. На левой тропе мох на камнях слишком яркий, слишком зелёный для этого времени года. А паутина на ветках... она идеальна. Слишком идеальна. Это морок. Иллюзия.

— Не учи меня, натуралистка, — фыркнул он. — Я менталист. Работа с иллюзиями — моя стихия. И я говорю, что мы идем налево.

— А я говорю, что там овраг, скрытый мороком, — упрямо повторила я. Я чувствовала это. Земля под левой тропой была... мертвой. Тихой. От нее не исходило той слабой жизненной силы, которая всегда есть в лесу.

— Я иду, — отрезал Грегор. — А ты можешь стоять здесь и нюхать свои цветочки, если боишься.

Он решительно шагнул на левую тропу.

У меня не было времени на раздумья. Я выставила руку и, сконцентрировав волю, прошептала слово силы. Толстый корень старого дуба, змеившийся по земле у ног Грегора, мгновенно ожил. Он выгнулся, как змея, и крепко обвился вокруг его лодыжки. Грегор споткнулся и с руганью повалился на землю.

— Ты что творишь, ведьма?!

В этот момент из-за деревьев бесшумно вышел Бас. Он стоял, прислонившись к стволу дерева, и молча наблюдал за нами. Сколько он здесь был? Минуту? Пять?

— Сетерик, — его голос был ровным и спокойным. — Если бы не вмешательство вашей напарницы, вы бы сейчас лежали на дне оврага со сломанной ногой.

Он подошел к иллюзии и, небрежно щелкнув пальцами, развеял ее. Левая тропа исчезла, открыв за собой крутой, заросший бурьяном обрыв. Грегор побледнел.

— Пять баллов миссис Вандел. За наблюдательность и решительные действия, — холодно произнес Бас. — Ноль баллов, Сетерик. За самоуверенность и неспособность работать в команде. Можете возвращаться в Академию. Свободны.

Униженный до глубины души, Грегор, бросив на меня полный ненависти взгляд, поднялся и похромал обратно по тропе. Я осталась с Басом наедине. Тишина леса обрушилась на меня, став оглушающей.

Он медленно подошел ближе.

— Видишь? — его голос был тихим, почти интимным, и от этого по спине пробежал холодок. — Здесь, в лесу, враги повсюду. Одно неверное решение — и ты летишь в пропасть.

— Я справилась сама, — твердо сказала я, глядя ему в глаза. — Мне не нужна твоя защита. Особенно когда ты сам ставишь меня в пару с моим врагом.

— Это был урок, — он сделал еще шаг, вторгаясь в мое личное пространство. Я чувствовала тепло, исходившее от его тела. — Мир не будет подбирать тебе удобных партнеров. А я... я не буду вечно наблюдать со стороны. Мое терпение на исходе, Илона.

Он протянул руку и коснулся пряди моих волос, выбившейся из косы. Я отшатнулась, как от огня.

— Вернись в замок, — прошептал он, и в его голосе прозвучали нотки отчаяния. — Или, клянусь всеми богами, я найду способ заставить тебя.

Он развернулся и так же бесшумно исчез в лесу, оставив меня одну. Я стояла, тяжело дыша, и смотрела на пропасть, которую скрывала иллюзия. Я только что заглянула в свою.

Вечером, когда мы снова заперлись в нашей комнате-крепости, я рассказала все Сонне. Она выслушала, и ее лицо стало серьезным, как никогда.

— Пассивная оборона не сработает, — заключила она. — Он будет давить, пока не сломает тебя. Нам нужно действовать. Жаловаться ректору бесполезно, он явно на стороне Баса. Значит, нужно искать другого союзника.

— Кого? — с горечью спросила я. — От нас все шарахаются.

— Не все, — глаза Сонны блеснули. — Мейстер Элиас. Наш историк. Он старый, он принципиальный, и он ненавидит интриги Королевского Двора. А еще... у него есть доступ к закрытым архивам. Ко всем, даже к тем, куда ректор не суется. Если и есть где-то информация о подделке меток, то она там. И он может нам помочь.

Впервые за долгое время я почувствовала не страх и не ярость. А слабую, трепетную надежду.

Глава 8. Матч по магниболу

Наш поход к мастеру Элиасу пришлось отложить. Старый историк слег с осенней лихорадкой, и миссис Доротея строго-настрого запретила его беспокоить. Эта отсрочка повисла над нами тяжелым ожиданием, но жизнь Академии, не обращающая внимания на наши личные драмы, уже неслась к новому событию, которое на время затмило все остальное.

На огромной дубовой доске объявлений в главном холле появился пергамент, скрепленный сургучной печатью с гербом Академии. Он анонсировал главное спортивное событие года: Ежегодный Турнир по Магниболу. Факультет Натуралистов против Факультета Менталистов.

Академия взорвалась. В одночасье шепот за моей спиной сменился громкими спорами о составах команд. В коридорах и столовой только и было разговоров, что о шансах, ставках и прошлогодних победах. Это было не просто соревнование. Это была ежегодная битва двух философий. Холодный, расчетливый интеллект менталистов против дикой, интуитивной силы натуралистов. Точность против стихии.

— Мы должны пойти! — заявила Сонна, и ее глаза загорелись азартом, которого я не видела в них уже давно. До травмы колена на первом курсе она была одним из лучших защитников нашей команды. — Это идеальный шанс отвлечься. И я хочу посмотреть, как наши надеются задницу этому павлину Сетерику.

Я сомневалась. Мысль о том, чтобы снова оказаться в центре внимания ревущей толпы, вызывала тошноту. Но Сонна была неумолима. И, если быть честной с самой собой, я отчаянно нуждалась в глотке чего-то нормального. Чего-то, что напомнило бы мне о жизни до того, как она превратилась в кошмар.

На следующий день Сонна потащила меня на тренировочное поле. Огромная овальная арена, окруженная высокими трибунами, была залита утренним солнцем. В воздухе витал запах свежескошенной травы и озона — побочного эффекта от концентрированной магии. В центре поля парил в метре над землей магнисфера — тускло поблескивающий металлический шар размером с человеческую голову.

Правила магнибола были одновременно просты и дьявольски сложны. Две команды по семь игроков. Цель — загнать магнисферу в одни из трех ворот противника, напоминавших парящие в воздухе обручи разного диаметра. Верхние, самые маленькие, давали пять очков. Средние — три. Нижние, самые широкие, — одно. Главное правило — никакого физического контакта с мячом. Только магия. Менталисты двигали сферу силой мысли, создавая невидимые векторы тяги. Натуралисты же использовали жезлы, посохи или просто руки как проводники, направляя потоки воздуха, воды или даже заставляя землю выталкивать мяч вверх. Это была игра скорости, тактики и, что важнее всего, магической выносливости.

Команда нашего факультета уже была на поле. Капитан, Рорик — широкоплечий здоровяк с рыжей бородой, похожий на своих предков-медведей из Стронгорена, — гонял игроков до седьмого пота. В прошлом году я была в запасе, и меня даже пару раз выпускали на поле.

— Рорик! — крикнула Сонна. — Мы пришли помочь!

Капитан обернулся. Увидев меня, его лицо помрачнело. Он подошел к нам, вытирая пот со лба.

— Селтис, тебе всегда рады, — пробасил он, кивнув Сонне. Затем его взгляд переместился на меня, и в нем появился холод. — А вот тебе, Вандел, здесь не место. Нам не нужны проблемы. Твое присутствие... отвлекает.

Его слова ударили, как пощечина. Другие игроки, собравшиеся вокруг, отводили глаза или смотрели с откровенной неприязнью. Я была клеймом. Пятном на репутации факультета.

— Да что с вами такое?! — вспыхнула Сонна. — Она одна из лучших тактиков, которых я знаю!

— Она — жена принца с порочной меткой! — выкрикнул кто-то из толпы.

Рорик поднял руку, призывая к тишине.

— Я ничего не имею против тебя лично, Илона, — сказал он уже мягче, но от этого было не легче. — Но матч — это командный дух. А сейчас... — он неопределенно махнул рукой. — Пойми правильно.

Я поняла. Я кивнула, проглотив ком в горле, и, развернувшись, пошла к трибунам. Я не собиралась устраивать сцен.

Я села на самую верхнюю скамью, откуда все поле было как на ладони, и стала смотреть. Попытка провалилась. Я не могла вернуться к нормальной жизни, потому что для них я уже никогда не буду нормальной.

Тренировка возобновилась. Игроки старались, но я видела то, чего не замечали они. Их пасы были сильными, но предсказуемыми. Их новый голкипер, вертлявый паренек по имени Лиам, отлично брал верхние и средние мячи, но постоянно оставлял открытыми нижние ворота, бросаясь на обманные маневры.

Во время одного из розыгрышей нападающий послал мяч своему партнеру. Пас был сильным и неточным. Магнисфера, изменив траекторию, со свистом полетела прямо в незащищенного игрока. Тот не успевал среагировать. Не думая, я вскинула руку. В десятке метров от меня, у кромки поля, тонкая лоза дикого плюща, обвивавшая ограждение, ожила. Она метнулась вперед, как зеленый хлыст, и с невероятной силой отбила мяч в сторону. Шар с гулким стуком врезался в деревянный столб трибуны.

На поле воцарилась тишина. Все смотрели на меня. Мой магический импульс был слишком резким, слишком диким, полным сдерживаемой ярости. В их глазах я увидела не благодарность за спасение, а страх.

Расстроенная, я поднялась, чтобы уйти, но тут рядом села Сонна. Она принесла с собой два стакана лимонада.

— Трусливые идиоты, — прошипела она, протягивая мне один. — Они забыли, как ты в прошлом году в матче против артефакторов в одиночку держала фланг.

— Прошлый год был в другой жизни, Сонна, — горько усмехнулась я. — Сейчас я ходячая проблема. Рорик прав.

Мы помолчали, глядя на бестолковую беготню на поле.

— Хорошо, — вдруг сказала Сонна. — Если ты не можешь быть в команде, будь с командой. Посмотри на них. У них стратегия дырявая, как решето. Лиам пропускает все низовые. Атака прет напролом, забывая про защиту. Ты это видишь. Я это вижу. А Рорик в пылу битвы — нет. Ты можешь помочь им, даже не выходя на поле.

Ее слова зажгли во мне искру. Это была идея. Не просто наблюдать, а действовать.

На следующий день мы, накинув капюшоны, чтобы не привлекать внимания, пробрались на трибуны, с которых было видно тренировку менталистов. Их игра была завораживающе иной. Никаких лишних движений. Точные, выверенные, как по линейке, пасы. Их капитан, Грегор Сетерик, был в своей стихии. Он не просто играл — он дирижировал. Его магия была элегантной и смертоносной. Они использовали ментальные финты — короткие импульсы, заставлявшие противника на долю секунды видеть мяч там, где его нет. Этого было достаточно, чтобы разорвать любую оборону.

— Они сильны, — прошептала Сонна. — Очень.

— Но не без слабых мест, — ответила я, внимательно наблюдая за двумя игроками на правом фланге. Это были братья-близнецы, известные своей телепатической связью. Они играли невероятно слаженно, но что-то было не так. К концу тренировки их движения стали вялыми, пасы теряли силу. Их лица были бледными и осунувшимися, под глазами залегли тени.

— Они выдыхаются, — прошептала я Сонне. — Смотри, они едва держатся на ногах. Если наши смогут навязать им быструю, изматывающую игру, заставят их постоянно перемещаться, то к середине матча этот фланг просто рухнет.

Мы занесли наши наблюдения на пергамент, составив подробный план контратак. Вечером, перед матчем, когда ажиотаж в Академии достиг своего пика, мы через знакомого первокурсника передали записку Рорику. Тот хмуро посмотрел на свиток, потом на нас, стоявших в тени арки, и, помедлив, сунул его за пояс.

Проходя мимо главного корпуса, я случайно подняла голову. В высоком стрельчатом окне ректорского кабинета стоял силуэт. Омниус Феникс. Он не двигался, просто смотрел вниз, на бурлящую, предвкушающую праздник толпу. Но его взгляд не был взглядом стороннего наблюдателя. Мне на мгновение показалось, что он не видит толпы. Он видит отдельных людей. Словно пастух, осматривающий свое стадо. Не с заботой. А с холодной оценкой. Выбирая.

От его неподвижной фигуры повеяло таким могильным холодом, что я невольно поежилась.

— Идем, замерзнешь, — Сонна дернула меня за рукав, и жуткое наваждение прошло.

Но тревожный осадок остался. За ярким фасадом спортивного праздника, в самой сердцевине Академии, зрело что-то темное и пугающее.

Глава 9. Исчезновение

Тревожный образ ректора, застывшего в окне своего кабинета, преследовал меня всю ночь, вплетаясь в рваные, беспокойные сны.

Но утро смыло ночные страхи волной ревущего энтузиазма. День матча. Академия гудела, как растревоженный улей. За завтраком никто не обращал на меня внимания — все споры, все взгляды были прикованы к игрокам, которые сидели за отдельными столами, сосредоточенные и напряженные, как тетива натянутого лука.

К полудню мы с Сонной заняли места на самом верху трибун, в секторе натуралистов. Отсюда, с высоты птичьего полета, арена казалась кипящим котлом. Воздух дрожал от криков, треска магических хлопшек, рассыпавшихся в воздухе искрами, и басовитого гудения зачарованных рогов. Два лагеря — наш, зеленый, и их, серебристо-синий, — ревели друг на друга через поле, превратившись в два единых, дышащих азартом существа.

Наконец, под оглушительный рев, команды вышли на поле. Наши — во главе с Рориком, похожим на разъяренного медведя. Их — ведомые Грегором Сетериком, который двигался с аристократической грацией хищника, уверенного в своей победе.

Прозвучал гонг, и магнисфера взмыла в воздух.

Игра началась.

Я забыла обо всем. О метке, о Басе, о ректоре. Я была там, на поле, вместе с ними. Я видела каждый пас, каждый финт. Сонна кричала рядом, комментируя каждый удачный блок и упущенный момент. Менталисты играли в свой фирменный, «паучий» магнибол — плели сложную сеть точных пасов, выманивая наших игроков, чтобы потом нанести резкий, точный удар.

Грегор был великолепен, я не могла этого не признать. Его магия была почти невидимой — легкие движения пальцев, едва заметная концентрация, и шар менял траекторию, словно живой.

Наши же, к удивлению трибун и ярости Сетерика, не стали играть от обороны. Они приняли наш с Сонной план. Рорик и двое нападающих носились по полю, как обезумевшие, навязывая бешеный темп, не давая менталистам времени на раздумья. Это была игра на износ, дерзкая и рискованная. К концу первого тайма мы проигрывали 5:3, но менталисты тяжело дышали. Их безупречная тактика давала сбой под нашим хаотичным напором.

Во время короткого перерыва я окинула взглядом арену, и мой взгляд зацепился за ложу для почетных гостей. Там, в резном кресле, сидел ректор Феникс. И он не смотрел на поле.

Он смотрел на трибуны. Медленно, методично, словно пересчитывая поголовье. Его взгляд не был взглядом болельщика. В нем не было азарта. Было лишь холодное, отстраненное любопытство энтомолога, изучающего копошение насекомых. Вот он задержался на группе кричащих первокурсников, вот скользнул по нашему сектору.

А потом его взгляд нашел то, что искал. Скамейку запасных менталистов. Там, ссутулившись, сидели братья-близнецы, которых заменили из-за усталости. Их лица были блее пергамента. Ректор смотрел на них, и в его глазах я увидела нечто, отчего у меня по спине пробежал ледяной холодок. Это был не интерес, не сочувствие. Это был голод. Чистый, хищный интерес к ценному, созревшему экземпляру.

— Сонна, смотри, ректор, — прошептала я, дернув подругу за рукав.

— Да что ректор! Ты видела, как наш Лиам взял тот мертвый мяч от Сетерика?! — восторженно заорала она, не отрывая взгляда от поля.

Я снова посмотрела на ложу. Феникс уже улыбался и о чем-то беседовал с мастером Элиасом, который, видимо, оправился от болезни и пришел на матч. Момент был упущен. Мне показалось? Или я действительно увидела на мгновение истинное лицо нашего ректора?

Второй тайм стал воплощением нашей тактики. Наши игроки, ведомые ревом трибун, бросились терзать ослабевший правый фланг менталистов. И он рухнул. Уставшие братья, вернувшиеся на поле, допускали одну ошибку за другой. Их ментальные щиты не выдерживали нашего напора. Два быстрых гола в большие ворота — и счет сравнялся.

Напряжение стало почти физически ощутимым. Последняя минута. Ничья. Грегор, взбешенный тем, что победа ускользает из рук, пошел в отчаянную атаку, оставив свои ворота почти без защиты. Это была ошибка.

Рорик, перехватив магнисферу у центра поля, взревел и, вложив в удар всю свою медвежью ярость, послал ее через все поле. Шар летел, кувыркаясь, словно подбитая птица. Голкипер менталистов метнулся, но не успел. За мгновение до финального гонга сфера влетела в средний обруч.

Победа 7-5.

Наши трибуны взорвались. Многоголосый рев сотряс арену. Студенты хлынули на поле, подхватывая на руки уставших, но счастливых игроков. Менталисты, понуриив головы, уходили. Грегор в ярости сломал о колено свой дорогой магический жезл. Началось безумное, хаотичное празднование.

Мы с Сонной не пошли на вечеринку, устроенную в честь победы. Шум и толпа утомляли. Вместо этого, уже в наступающих сумерках, мы вернулись на опустевшую арену. Сонна забыла на трибуне свой учебный конспект.

Арена, еще несколько часов назад кипевшая жизнью, теперь выглядела как поле битвы после сражения. Тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра, гонявшего по траве клочки пергамента и ленты. В воздухе витал запах остывшей магии.

Проходя мимо раздевалки менталистов, мы услышали приглушенные, встревоженные голоса. Дверь была приоткрыта. Мы увидели Грегора, который о чем-то яростно спорил с одним из младших преподавателей. Его аристократическая маска слетела, лицо было бледным и растерянным.

— ...просто ушли, никому не сказав! — донеслось до нас. — Я обыскал все! Их вещи на месте!

— Успокойтесь, Сетерик, — отвечал преподаватель. — Наверное, обиделись из-за проигрыша. Решили прогуляться, проветриться. Молодость...

Мы прошли мимо, стараясь не привлекать внимания. Но обрывки этого разговора застряли в голове, как заноза.

Ночью, когда празднование в корпусе натуралистов начало стихать, по Академии пополз слух. Сначала тихий шепот, передаваемый из комнаты в комнату. Потом — тревожный гул.

Братья-близнецы, фланговые игроки команды менталистов, так и не появились. Их комната была пуста. Их никто не видел после того, как они покинули поле.

Мы с Сонной стояли у окна в нашей темной комнате и смотрели во двор. Там уже начали появляться преподаватели с магическими фонарями, их тревожные световые пятна металась по стенам и дорожкам. Начинались официальные поиски.

И тут все детали сложились в моей голове в единую, леденящую душу картину. Их мертвенная бледность на тренировке. Их истощение в игре. Хищный, оценивающий взгляд ректора, направленный прямо на них. Обрывки панического разговора Грегора у раздевалки.

Это был не побег. Не обида. Это было нечто иное.

Они исчезли. И более того, вероятно, их похитили. Но кто? Неужели ректор?

Глава 10. Вынужденное перемирие

Ужас, родившийся прошлой ночью, к утру обрел плоть и имя. Академия проснулась другой. Атмосфера праздника испарилась, словно ее никогда и не было. На ее место пришел холодный, липкий страх. За завтраком в Большом Зале стояла непривычная тишина, нарушаемая лишь приглушенным перешептыванием и нервным звоном столовых приборов. Студенты сбились в кучки, бросая испуганные взгляды на пустые места за столом менталистов.

Ректор Феникс поднялся на возвышение. Его лицо было строгим и озабоченным — маска идеального руководителя, столкнувшегося с кризисом.

— Как вы уже знаете, — его голос разносился под сводами, — двое наших студентов, Ларс и Квинн Райкеры, не вернулись в свои комнаты прошлой ночью. Первичные поиски на территории Академии не дали результатов. Поэтому я объявляю о формировании поисковых отрядов для прочесывания прилегающих территорий, в первую очередь — Темнолесья. Участие старшекурсников добровольное, но я надеюсь на вашу сознательность.

Мы с Сонной переглянулись. Никакого решения принимать не нужно было. Оно уже было принято. Я чувствовала себя виноватой, словно мое знание, которым я не поделилась, стало частью этой трагедии. Я не могла оставаться в стороне.

— Мы идем, — сказала я. Сонна молча кивнула.

Во дворе царил организованный хаос. Преподаватели выкрикивали имена, формируя группы. Грегор Сетерик, бледный, со злыми, покрасневшими глазами, стоял в стороне. Его обычное высокомерие испарилось, оставив место искренней тревоге за товарищей по команде.

И тут появился он.

Бас вышел из главного корпуса, и все разговоры стихли. На нем была темная кожаная куртка поверх кольчужной рубахи, на поясе висел не только охотничий нож, но и короткий меч. Он больше не был ни принцем, ни преподавателем. Он был воином, готовым к битве.

— Координировать поиски будет мастер Вандел, — объявил ректор, появившийся следом. — Его опыт в подобных делах неоценим.

Бас не тратил время на приветствия. Он развернул карту и начал отдавать приказы. Его голос был резок и четок, в нем не было места сомнениям. Он разделил весь периметр на сектора, назначая каждой группе своего старшего. Мы с Сонной попытались примкнуть к отряду мастера Элиаса, надеясь затеряться среди других, но это было наивно.

Бас поднял голову от карты, и его взгляд нашел меня в толпе так же безошибочно, как и в день его появления.

— Вандел, Селтис, Сетерик, — его голос не оставлял пространства для возражений. — Вы идете со мной. Мой отряд берет на себя центральную часть Темнолесья.

Самое гиблое место. Самое опасное направление. Я поняла, что это не было случайностью. Он снова загонял меня в угол, но на этот раз угол был сделан из вековых деревьев и первобытного страха.

Мы вошли в лес, и мир изменился. Солнечный свет, оставшийся снаружи, казалось, принадлежал другому дню, другой жизни. Здесь, под плотным пологом переплетенных ветвей, царил вечный сумрак. Воздух был густым, влажным, пахнувшим гнилью, сырой землей и тревогой. Лес молчал. Не было слышно ни пения птиц, ни стрекота насекомых. Это была давящая, неестественная тишина.

Бас шел впереди, двигаясь с текучей, хищной грацией, которая была так неуместна во дворце и так органична здесь. Он не просто шел — он читал лес. Его взгляд отмечал все: сломанную ветку на высоте человеческого роста, едва заметно примятый мох, крошечный камешек, вывернутый из своего ложа. Для нас это был хаос. Для него — открытая книга.

Напряжение в нашем маленьком отряде можно было резать ножом. Грегор, вынужденный подчиняться человеку, мужа которого он презирал, кипел от злости. Сонна шла рядом со мной, готовая в любой момент броситься на мою защиту. А я... я молчала и наблюдала за Басом. Вопреки всему, я не могла не признать — здесь, в этой враждебной стихии, он был на своем месте.

— Вы правда думаете, что мы их здесь найдем? — не выдержал Грегор во время короткого привала. — Они не такие идиоты, чтобы забредать в самое сердце Темнолесья.

Бас даже не повернулся к нему. Он сидел на корточках, изучая что-то на земле.

— Они были истощены, Сетерик. Я видел это во время матча. Истощенный человек не думает. Он идет, куда ведут ноги. — Он поднял голову, и его взгляд был холоден. — Или туда, куда его направляют.

Последние слова повисли в воздухе, и Грегор заткнулся.

Мы шли уже несколько часов, когда я заметила это. У корней огромного, покрытого наростами тиса что-то слабо мерцало. Не солнечный блик. Свет был слишком мягким, фосфорическим.

— Сюда, — позвала я.

Это был лунный мох, редкое растение, чувствительное к остаточным магическим эманациям. Обычно он был тускло-серым, но сейчас едва заметно светился призрачным серебром. Значит, здесь недавно использовали магию.

Бас был рядом через мгновение. Он опустился на колени, его пальцы осторожно раздвинули листья. И он нашел. Клочок ярко-синей ткани, зацепившийся за острый край корня. Цвет формы менталистов. А рядом, на влажной земле, был еще один след. Не ботинка. Не лапы. Странный, размытый отпечаток чего-то гладкого, бесформенного, словно кто-то протаскил здесь тяжелый мешок.

Бас поднял голову и посмотрел на меня. В его темных глазах на долю секунды промелькнуло нечто, чего я не видела в них никогда. Уважение. Он ничего не сказал, лишь коротко кивнул. И в этом молчаливом жесте было больше понимания, чем во всех словах, сказанных им за последние недели. Это было хрупкое, едва родившееся перемирие. Признание того, что в этой битве мы на одной стороне.

Он приказал Сонне и Грегору обследовать ручей, протекавший в двадцати метрах ниже по склону. Едва они скрылись за деревьями, он повернулся ко мне.

— Ты не должна была сюда идти, — его голос был тихим, почти глухим. — Здесь опасно. Ярость, которую я так долго сдерживала, вскипела.

— А ты не должен был ставить меня в свой отряд! Ты делаешь это специально! Чтобы мучить меня, доказывать свою правоту, снова показывать свою власть!

Он шагнул ко мне, и его лицо напряглось, превратившись в жесткую маску.

— Я делаю это, чтобы ты была у меня на виду! — прорычал он. — Потому что я знаю, что здесь замешано что-то темное, Илона! Что-то, что не по зубам этим мальчишкам-студентам!

Его слова обрушились на меня, как ледяной водопад. Вся моя картина мира, где он был единственным злодеем, треснула и посыпалась. Все было сложнее. Гораздо сложнее. Но признать это — значило сделать шаг ему навстречу. А я не была готова.

— Не смей прикрывать свою одержимость мнимой заботой! — выплонула я. — Ты потерял всякое право меня защищать в ту ночь, когда выбрал рыжую шлюху, а не меня!

В этот момент тишину леса разорвал леденящий душу звук.

Это не был вой волка или рык медведя. Это был высокий, пронзительный, вибрирующий вопль, полный не животной ярости, а нечеловеческой, запредельной тоски.

Наша ссора оборвалась на полуслове. Мы замерли, глядя друг на друга. И в наших глазах больше не было ненависти. Только общий, первобытный страх.

Бас выхватил из ножен меч, его лицо стало лицом воина, готового к смерти.

— Назад, — прорычал он, заслоняя меня собой. — Медленно. Ко мне за спину.

И я, забыв о гордости и обиде, сделала шаг назад, чувствуя, как сталь его спины упирается в мои лопатки. Вопль повторился, на этот раз — гораздо ближе. И он доносился не с одной стороны. Он шел отовсюду.

Глава 11. Сумеречные Гончие

Его слова все еще висели в воздухе между нами, когда лес закричал.

Этот звук не принадлежал этому миру. Он не был похож ни на вой волка, ни на рык пещерного льва. Это был высокий, вибрирующий вопль, сотканный из боли и голода, звук разрывающейся на части ткани реальности. Наша ссора, такая яростная и важная секунду назад, обратилась в прах. Личная ненависть, обида, предательство — все это стало мелким и незначительным перед лицом этого первобытного, запредельного ужаса.

Бас отреагировал первым. Инстинкты воина взяли верх над гневом мужа. Он развернулся, заслоняя меня собой, и сталь его меча со свистом покинула ножны. Я уперлась спиной в его спину, чувствуя сквозь тонкую ткань рубахи, как напряглись его мышцы, превратившись в камень.

Из-за деревьев, шурша листвой, выбежали Сонна и Грегор. Лицо Сетерика было бледным, в глазах плескался страх, но он держал наготове свой изящный магический жезл. Сонна встала рядом со мной, ее ладони были обращены к земле, готовые в любой момент призвать на помощь силу леса. Мы инстинктивно образовали круг, став крошечным островком обороны посреди враждебного, затаившегося мира.

Наступила тишина. Тяжелая, вязкая, давящая на уши. Лес, который и до этого был мрачным, теперь казался мертвым. Температура воздуха резко упала. Из рта пошел пар.

И тогда из сгущающегося сумрака начали появляться они.

Сначала я подумала, что это просто тени, игра воображения. Но они обретали форму, сочась из-под корней и спускаясь с ветвей. Сумеречные Гончие. Их тела были сотканы из дыма и холодного тумана, полупрозрачные, нестабильные. Они двигались странными, рваными рывками, словно выпадая из реальности и возвращаясь в нее снова. Внутри их призрачных голов горели два синих огонька — глаза, в которых не было ничего, кроме ледяного голода. Их было много. Десять. Двенадцать. Они бесшумно окружали нас, их когти не царапали землю, их дыхание не тревожило воздух. От них веяло могильным холодом и запахом озона — запахом прорехи в другой, чужой мир.

— Что это за твари? — прошипел Грегор, его голос дрожал.

— Неважно, — отрезал Бас. Его голос был спокоен, но в нем звенела сталь, натянутая до предела. — Держите круг. Не подпускайте их близко. Илона, Сонна — контроль территории. Сетерик — щиты и точечные удары. Я беру на себя прорыв.

Он не спрашивал. Он приказывал. И мы подчинились.

Первая гончая прыгнула — беззвучный, плавный полет тени. Меч Баса вспыхнул серебряным огнем — руны, выгравированные на лезвии, ожили. Удар был молниеносным. Клинок прошел сквозь тварь, и та с шипением, похожим на звук гасимого в воде угля, распалась на клочья дыма.

А потом они атаковали все разом.

Мир превратился в хаос из теней, синих огней и лязга стали. Я действовала на автопилоте, ведомая инстинктами. Рядом со мной Сонна ударила ладонями по земле, и из-под ног гончих вырвались толстые, узловатые корни, пытаясь опутать их призрачные лапы. Грегор выкрикивал заклинания, и перед нами мерцал серебристый купол ментального щита, трещащий под натиском невидимых ударов. Он посылал в тварей острые, как иглы, ментальные клинки, которые заставляли их на мгновение отшатнуться.

Я поддерживала их. Моя магия была дикой, интуитивной. Я вскидывала руки, и гибкие ветви ближайших деревьев, как живые хлысты, стегали нападавших. Я срывала с пояса мешочек с пылью лунного мха и швыряла ее в воздух — вспышка серебристого света на миг ослепляла тварей, заставляя их отступать.

Но Бас... он был в своей стихии. Он не просто дрался. Он танцевал. Смертельный, жестокий танец. Он двигался с нечеловеческой скоростью, его меч был продолжением его руки. Он не защищался — он атаковал, врезаясь в самую гущу врагов. Каждый его удар был точен и смертоносен. Он не кричал, как мы. Он рычал. Низкий, утробный звук, исходивший из самой глубины его груди. Это был рык зверя, защищающего свою территорию.

Несмотря на ужас, я не могла отвести от него взгляда. Это был не тот мужчина, которого я знала. Не избалованный принц, не жестокий муж. Это был кто-то другой. Древний. Могущественный. И пугающе прекрасный в своей ярости.

Но тварей было слишком много. Они лезли отовсюду. Щит Грегора начал мерцать и истончаться.

— Я не выдержу! — крикнул он, его лицо было покрыто потом.

Одна из гончих, самая крупная, воспользовалась моментом. Она пробила слабеющую защиту и прыгнула на Грегора, оскалив пасть, из которой несло холодом. Сонна вскрикнула, пытаясь перехватить ее корнями, но было уже поздно.

И тогда Бас взревел.

Это был не человеческий звук. Это был рев дракона — оглушительный, яростный, полный первобытной мощи, сотрясший сами основы леса. Его глаза, до этого черные, вспыхнули расплавленным золотом. Я увидела, как под кожей на его скулах и шее на мгновение проступил рисунок чешуи.

Он метнулся к Грегору с такой скоростью, что его движение смазлось. Он не ударил гончую мечом. Он ударил ее кулаком. И тварь, весившая не меньше человека, отлетела на несколько метров, с визгом растворившись в воздухе еще до того, как ударилась о дерево.

Бас перестал быть воином. Он стал стихией. Воплощением ярости. Он больше не отбивался — он рвал и метал. Его меч двигался со скоростью мысли, оставляя в воздухе серебряные росчерки. Он не просто убивал. Он уничтожал.

Я смотрела на него, и мое сердце колотилось в груди от смеси ужаса и... чего-то еще. Чего-то, что я не смела назвать. Это была та самая дикость, которая оттолкнула меня в нем, та самая звериная сущность, которую я презирала. Но сейчас она спасала наши жизни. Я видела не предателя. Я видела могущественного зверя, который инстинктивно защищал свою стаю. Свою.

Его ярость, казалось, напугала самих тварей. Их атаки стали хаотичными, неуверенными. Они, словно почувствовав присутствие хищника гораздо более древнего и опасного, чем они сами, начали отступать. Растворяться в тенях, утекая обратно в лесной сумрак.

И вот все кончилось.

Мы стояли на развороченной поляне, тяжело дыша. Вокруг — звенящая тишина, запах озона и пронизывающий холод. Грегор сидел на земле, зажимая глубокую царапину на плече, оставленную когтями твари. Сонна помогала ему, ее руки дрожали.

А в центре стоял Бас. Его плечи тяжело вздымались, меч был опущен. Золотое свечение в его глазах медленно гасло, возвращая им привычный черный цвет. Он посмотрел на свои руки, покрытые кровью — своей и чужой, — с выражением отвращения, словно не узнавая их.

Быстрый осмотр не дал ничего. Ни следов, ни трупов. Только рана Грегора и несколько срубленных деревьев свидетельствовали о том, что бой не был галлюцинацией.

Обратно мы шли в полном молчании. Никто не решался его нарушить. Вражда, обиды, статусы — все это сгорело в огне битвы. Остались только четверо выживших. Грегор больше не язвил. Он шел позади, бросая на Баса взгляды, в которых смешались страх и невольное уважение.

Я шла рядом с Басом, не решаясь посмотреть на него. Вечерний холод пробирал до костей. Заметив, что меня трясет, он молча снял с себя тяжелый дорожный плащ и накинул

мне на плечи. Ткань пахла им — кожей, сталью и чем-то диким, лесным. Я не стала возражать. Я просто закуталась в него, и его тепло, казалось, проникло под кожу.

Когда впереди, между деревьями, показались теплые огни башен Атаракса, я впервые почувствовала не облегчение, а сожаление. Безопасность была близка. Но там, в стенах Академии, мы снова станем врагами. Мужем и женой. Предателем и жертвой.

А здесь, в лесу, напуганные и уставшие, мы на мгновение были чем-то другим. Чем-то большим.

И я поняла, что сегодняшний бой изменил многое. Угроза была реальна, и она пришла из мира, о котором я ничего не знала. А человек, которого я поклялась ненавидеть, был единственным, кто мог стоять между мной и этим ужасом. И этот человек сам был частью этого дикого, пугающего мира.

Глава 12. Запертые ворота

Плащ Баса все еще лежал на моих плечах, когда мы, шатаясь от усталости, вошли в ярко освещенный холл главного корпуса. Тепло и свет показались неестественными, чужеродными после первобытного мрака Темнолесья.

Здесь, под строгими взглядами портретов бывших ректоров, наш бой с тенями казался лихорадочным сном. Но рана на плече Грегора, из которой сочилась темная, неестественно густая кровь, была неоспоримым доказательством реальности этого кошмара.

Нас немедленно препроводили в кабинет ректора. Омниус Феникс сидел за своим массивным столом из черного дерева, и его лицо было непроницаемой маской. Он не выказал ни удивления, ни страха, лишь холодное, профессиональное любопытство.

Бас взял слово. Его доклад был отточенным, как удар клинка — сухим, лишенным эмоций и деталей. Он сообщил о находке, о внезапном нападении «стаи неизвестных магических существ, предположительно мутировавших под влиянием диких земель».

Он ни словом не обмолвился о полупрозрачных телах гончих, о их потусторонней природе, и, самое главное, о том, как в нем самом на мгновение проснулся дракон. Мы молчали. Сонна, Грегор, я — мы все инстинктивно понимали, что полная правда в этом кабинете опаснее любого монстра в лесу.

Ректор слушал, постукивая длинными пальцами по полированной столешнице. Когда Бас закончил, он медленно кивнул.

— Чудовишно, — произнес он, но в его голосе не было и тени ужаса. Скорее, интерес ученого, столкнувшегося с новым, редким видом. — Ваше мужество достойно похвалы, мастер Вандел. Грегор, немедленно отправляйтесь в лазарет. Мисс Селтис, миссис Вандел — вам необходим отдых. Мастер Вандел, вас я попрошу остаться для составления детального отчета.

Я заметила, как при словах «неизвестные существа» в глазах Феникса мелькнул хищный, голодный огонек. Он не боялся. Он был заинтригован.

Когда мы с Сонной вышли, я увидела, как ректор жестом подозвал к себе Грегора, который уже направлялся к выходу. Дверь кабинета закрылась.

Позже мы узнали, что произошло в те несколько минут. Грегор, оправившийся от первоначального шока, увидел шанс нанести ответный удар. Униженный тем, что его жизнь спас человек, которого он презирал, он решил отыграться. Он «конфиденциально» сообщил ректору, что нападение спровоцировала нестабильность самого Баса. Что принц потерял контроль, и его глаза светились золотом. Что Печать Затвора на нем трещит, и он был на грани превращения в неконтролируемого зверя.

Печать Затвора. Это было самое страшное обвинение, которое можно было бросить дракону в Фирестане. Не просто магический запрет, а сложнейшее клеймо, выжженное на самой сущности каждого из рода Ванделов после последней войны. Оно блокировало их вторую, истинную ипостась. Попытка сорвать его добровольно или неспособность удержать в узде считались тягчайшим преступлением, государственной изменой. Наказание было одно — вечная ссылка в ледяные казематы Винтерсайда. Грегор не просто донес. Он подписал Басу смертный приговор.

На следующее утро Большой Зал гудел от слухов. Воздух был тяжелым от страха и паранойи. Ректор Феникс поднялся на возвышение, и все стихли.

— С глубоким прискорбием я должен сообщить, — его голос был полон тщательно отыгранной скорби, — что, несмотря на героические усилия наших поисковых отрядов, Ларс и Квинн Райкеры так и не были найдены. Более того, вчерашний инцидент в Темнолесье пока-

зал, что вблизи Академии появилась новая, доселе неизвестная угроза. В связи с этим, ради вашей безопасности, я объявляю о введении режима чрезвычайного положения.

По залу пронесся испуганный ропот.

— Поиски прекращаются, — отчеканил ректор. — Все практические занятия за пределами стен Академии, включая «Магическое Ориентирование», отменяются до особого распоряжения. Вводится комендантский час. С девяти вечера до шести утра покидать жилые корпуса строго запрещено. И главное. До выяснения всех обстоятельств ворота Академии Атаракс закрываются.

Последние слова упали в тишину, как камни. Закрываются. Мы в ловушке. Наша Академия, наш островок знаний и надежд, в одночасье превратилась в золотую клетку.

Последствия не заставили себя ждать. Дни превратились в тягучую, нервную череду лекций и молчаливых обедов. Ночи стали временем страха. Мы с Сонной заперлись в нашей комнате, которая теперь казалась не крепостью, а камерой.

— Он лжет, — прошептала я, глядя на тяжелый засов на нашей двери. — Он не защищает нас. Он запирает нас с чем-то... или для чего-то.

— Я говорила с Лиамом, нашим голкипером, — ответила Сонна. — Он сегодня видел Грегора. Тот разгуливает по коридору, как герой. Рассказывает всем, как сражался с монстрами и как «безумный принц» едва не погубил их всех. Слухи о нестабильности Баса уже ползут по всем углам.

Баса я видела лишь однажды. Он шел по коридору, и студенты шарахались от него, как от зачумленного. Его лицо было мрачнее тучи. Он был героем, спасшим нас, но сплетни, пущенные Грегором, превратили его в монстра. Он попал в ту же ловушку, что и я. Клеймо. Только его клеймо было невидимым.

Он не смотрел на меня. Но я чувствовала его взгляд. И в нем не было ни злости, ни угрозы. Только глухая, бесконечная усталость.

Ночью я не могла уснуть. Я подошла к окну. Двор был пуст, освещен тусклым светом магических фонарей. У массивных кованых ворот, теперь наглухо закрытых, прохаживался патруль из двух преподавателей. Чувство западни было почти физическим. Я думала о Басе. Где он сейчас? Что чувствует? Ненависть, которую я так долго лелеяла, начала крошиться, уступая место сложному, беспокойному чувству, которому я не знала названия. Это была не жалость. Это было... понимание?

И тут я увидела его.

Тень отделилась от глубокой арки главного корпуса. Фигура, закутанная в темный плащ, двигалась бесшумно, держась неосвещенных участков. Это был он. Я узнала его по походке, по тому, как он нес себя. Он дошел до ворот, и я затаила дыхание. Патруль как раз скрылся за углом. Бас положил руку на огромный железный засов, который запирали трое стражников. На его ладони вспыхнул и тут же погас тусклый зеленый огонек. Засов, весивший не меньше тонны, без единого скрипа отошел в сторону. Массивные ворота приоткрылись ровно на столько, чтобы мог проскользнуть человек.

Он выскользнул наружу, во тьму, и ворота так же беззвучно закрылись за ним.

Я осталась стоять у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Он ушел. Нарушил прямой приказ ректора, рискуя всем. Он не сбежал. Он продолжил охоту. Один.

И в этой огромной, запертой Академии, полной испуганных студентов и лживых преподавателей, я внезапно почувствовала себя отчаянно, невыносимо одинокой.

Монстр, которого я боялась, ушел сражаться с другими монстрами. А мы остались заперты с тем, кто, возможно, был самым страшным из них.

Глава 13. Цепи (Бас)

(От лица Бастилиона)

Я бежал.

Не от ректора с его холодными, всезнающими глазами. Не от трусливых шепотков за спиной. Я бежал от самого себя.

Мир за стенами Академии встретил меня оглушающей симфонией жизни и смерти, которую не слышат люди. Под ногами, в сырой земле, я слышал паническое сердцебиение крота, спасающегося от ласки. Над головой, в непроглядной тьме, я видел тепловой след совы, пикирующей на свою жертву. Воздух был густым от запахов: прелой листвы, страха мелкого зверья и острого, металлического привкуса озона, оставшегося после тварей Изнанки.

Мои чувства, обостренные до предела, разрывали сознание.

Боль началась еще в лесу, когда я накинул на нее свой плащ. Ее запах — дикий мед, летний дождь и что-то еще, неуловимое, принадлежащее только ей — ударил в меня, как таран. Он пробил мою защиту, мою волю, мою ненависть. И Зверь внутри, учуявший свою самку, свою Истинную, взревел.

Он был спокоен, пока она была далеко. После той ночи, когда я выгнал ее, а ее метка почернела, Печать на моей груди горела ровным, тупым огнем. Я уехал из столицы, чтобы унять дрожь в руках, чтобы заглушить его рык, который не давал мне спать.

Но это не помогало. Я слабел. А он становился сильнее. Поэтому я вернулся. Глупец. Я думал, что смогу контролировать ее, держать на расстоянии, используя ее близость как лекарство в малых дозах.

Но бой с Гончими все изменил. Ее страх стал моим. Ее адреналин стал моим. Ее близость, когда она стояла за моей спиной, стала искрой, упавшей в пороховую бочку. Я позволил Зверю коснуться поверхности, использовал его ярость, чтобы спасти нас. И теперь он требовал полной свободы.

Печать на моей груди больше не горела. Она пульсировала ледяными иглами, впиваясь в самое сердце. Каждый удар отдавался судорогой. Я должен был добраться до убежища. Быстрее.

Пещера была моим проклятием и моим спасением. Скрытая за завесой из плюща и иллюзорным мороком, она была моей личной тюрьмой, которую я строил годами. Я ворвался внутрь, едва не сорвав с петель замаскированную дверь. Сбросив с себя одежду, я посмотрел на свое отражение в глади подземного озера. Из темноты на меня смотрел не принц Фирестана.

На меня смотрел загнанный зверь. Тело, покрытое сетью шрамов — следами прошлых битв с самим собой. А на груди, над сердцем, пылал багровым светом сложный узор Печати Затвора. Ее края кровоточили магией.

В центре пещеры был выжжен рунический круг. Из стен торчали тяжелые кольца, к которым крепились цепи из зачарованного серебра. Единственный металл, способный обжечь дракона и усмирить его магию.

Шатаясь, я вошел в круг. Мои руки дрожали, когда я брал холодные, тяжелые звенья. Сам. Я всегда делал это сам. Я защелкнул оковы на запястьях и лодыжках. Серебро тут же обожгло кожу, но эта боль была ничем по сравнению с той, что разрывала меня изнутри.

Я опустил на колени и закрыл глаза. Нужно было уйти вглубь. Найти его. Встретиться с ним лицом к лицу.

«Наконец-то», — пророкотал голос в моей голове. Он был древним, как горы, и полным ярости. — «Ты пришел покормить меня болью, маленький тюремщик?».

В моем сознании он предстал во всем своем великолепии. Огромный, черный, как ночь, дракон, закованный в такие же призрачные цепи в клетке из моих ребер.

— Уймись, — прохрипел я вслух.

«Уймись? — он рассмеялся, и от этого смеха задрожали стены пещеры. — Ты привел ее. Ты позволил мне почувствовать ее запах. И теперь ты говоришь мне уймиться? Она наша! По праву крови! По праву огня! А ты прячешься от нее, как трусливый щенок!»

— Она предала нас. Ее метка черна.

«Ложь! — взревел он, и иллюзорные цепи на нем зазвенели. — Метка не может лгать, но и не может быть осквернена без причины! Ты слаб! Ты позволил одурачить себя! Позволил отнять ее! Отпусти меня! Я верну ее. Я сожгу дотла всех, кто встанет у нас на пути. Я заставлю ее подчиниться. Она будет нашей, как и предназначено!»

Его слова были ядом и сладким обещанием. В голове замелькали образы: Илона, кричащая от ужаса в ту ночь; ее лицо, полное ненависти, в коридоре Академии; ее тело, дрожащее под моим плащом... Моя. Она должна быть моей. Любой ценой. Не потому, что я люблю ее. А потому, что она — ключ к моему покою. Или к моему безумию. Я должен обладать ей, контролировать ее, чтобы контролировать его. Эта простушка из деревни, эта девчонка с глазами испуганной лани стала центром моей вселенной. И я ненавидел ее за это.

— Я сам ее верну, — прорычал я, вцепившись пальцами в каменный пол.

«Нет! Ты не сможешь! Ты позволишь ей снова ускользнуть! Дай мне волю! Всего на час! Я покажу тебе, что такое настоящая сила! Сила дракона! Сила короля!»

Я почувствовал, как боль усиливается. Мои кости затрещали, меняя форму. Кожа на руках начала твердеть, покрываясь мелкой, как обсидиановая крошка, чешуей. Серебряные цепи раскалились докрасна, впиваясь в плоть и оставляя дымящиеся ожоги. Я закричал. Не от боли. От бессилия. Он был слишком силен. Бой в лесу разбудил его окончательно.

Я разрываюсь. Меня рвет на части между двумя природами. Печать на груди вспыхнула, нанося ответный, мучительный удар, вгоняя трансформацию обратно внутрь.

Я готов был сдаться. Позволить ему победить. Прекратить эту пытку.

И тут, в самом центре этого огненного хаоса, возник образ. Илона. Но не та, что кричала или плакала. А та, что стояла у ручья. Сосредоточенная. Сильная. Ее палец указывает на светящийся мох. В ее глазах — не страх, а азарт первооткрывателя. Образ чистоты и упрямой, несокрушимой воли.

Этот образ стал моим якорем.

Я вцепился в него мысленно, как утопающий в обломок мачты. Я использовал его, как щит против рева Зверя.

— Она... моя... — прохрипел я, вкладывая всю свою волю в эти два слова. — И я... не стану... тобой... чтобы... удержать ее.

Яростный рев дракона в моей голове сменился разочарованным рычанием. Трансформация отступила. Боль медленно начала стихать, сменяясь свинцовой, всепоглощающей усталостью. Я без сил повис на цепях, мое тело было одним сплошным ожогом.

Я выстоял. В этот раз.

Но я знал, что это лишь отсрочка. Зверь не успокоился. Он затаился, стал ждать. И он будет ждать, пока я не верну ее под свой контроль. Или пока она своей близостью не сломает последние оковы моей человечности.

Глава 14. Ключ от Запретной секции

Два дня Бас не появлялся. Два дня Академия жила в вакууме, наполненном ядовитыми слухами. Его исчезновение стало идеальным топливом для паранойи. Грегор и его свита позаботились о том, чтобы каждый первокурсник знал: принц-дракон окончательно спятил, превратился в монстра и теперь скрывается в лесу, возможно, доедая останки несчастных близнецов.

Эта ложь была так чудовищна и так проста, что в нее верили. Она стала удобным объяснением всему, позволяя не думать о настоящей, безымянной угрозе.

Для ректора Феникса это было идеальное прикрытие. Пока всеобщее внимание было приковано к отсутствующему «злодею», он мог делать все что угодно.

— Мы не можем больше ждать, — сказала я Сонне тем вечером, глядя на нашу запертую дверь. Чувство западни становилось невыносимым. — Пока его нет, пока все отвлечены, у нас есть шанс. Мы идем к мастеру Элиасу. Сейчас.

Кабинет мастера был другим миром. Если кабинет ректора был холодным, стерильным мавзолеем власти, то здесь, в небольшой келье на верхнем этаже башни Астрономии, царил уютный, живой хаос. Воздух был густым от запаха старой бумаги, сушеных трав, которые пучками свисали с балок, и крепко заваренного мятного чая.

Стены терялись за стеллажами, забитыми книгами, свитками и фолиантами до самого потолка. Они громоздились на полу, на столе, на подоконнике. В центре этого книжного лабиринта, в глубоком потертом кресле, сидел он.

Мейстер Элиас был похож на древнего, мудрого филина. Худой, сутулый, с копной седых волос и длинной, доходившей до пояса бородой, в которой, казалось, запутались пылинки веков. Но за толстыми стеклами очков его глаза были невероятно живыми, ясными и пронзительными. Он оторвался от чтения толстого тома и с улыбкой посмотрел на нас.

— Девочки, — его голос был мягким, слегка дребезжащим. — Входите, не стойте на пороге. Чай еще горячий.

Мы сели в кресла напротив, и он налил нам в глиняные кружки дымящийся, ароматный напиток. Он не задавал вопросов, он просто ждал, давая нам время собраться с мыслями.

И я решилась. Глядя в его умные, понимающие глаза, я поняла, что полумеры здесь не помогут. Я должна была рискнуть всем.

Я рассказала ему всё. Не сбивчиво и эмоционально, как Сонне, а последовательно, излагая факты. О своей уверенности в том, что метку подделали. О странном, хищном взгляде ректора на матче. О нападении в лесу существ, сотканных из тени. О том как Баса сейчас травят, превращая в козла отпущения.

Элиас слушал молча, не перебивая, лишь иногда поглаживая свою бороду. Его лицо становилось все серьезнее. Когда я закончила, он долго молчал, глядя на пляшущие в камине языки пламени.

— Покажи мне, дитя, — наконец тихо сказал он.

Я не сразу поняла.

— Метку, — пояснил он.

Мои руки задрожали. Я медленно закатала рукав и протянула ему руку. Он не коснулся меня. Наклонился, и его глаза за стеклами очков, казалось, увеличились. Он рассматривал черный, уродливый вихрь на моем запястье с интересом ученого, а не с осуждением судьи.

— Любопытно, — пробормотал он. — Очень любопытно. Она не мертва. Она... спит.

— Что вы имеете в виду? — прошептала я.

— Понимаешь, в истории было всего три задокументированных случая появления Порочной Метки, — он откинулся в кресле. — Дважды — у жен неверных королей, и один

раз — у ведьмы, предавшей свой ковен. Но во всех случаях метка была именно что клеймом. Мертвым, выжженным пятном. Твоя же... она словно живая, просто ее свет поглощен этой тьмой. Это не похоже на наказание за измену. Это больше похоже на... осквернение. На проклятие, наложенное поверх.

Он поднял на меня свой пронзительный взгляд.

— Я служу этой Академии почти семьдесят лет, дитя мое. И я никогда не доверял Омниусу Фениксу. Он появился здесь десять лет назад, как будто из ниоткуда. У него нет прошлого, которое можно было бы проверить. Но у него есть непомерная жажда власти и... — он помедлил, подбирая слово, — интерес к чужой силе.

Он встал и подошел к одному из стеллажей, который, на первый взгляд, ничем не отличался от других.

— То, что вы описываете, эти Гончие... они не из нашего мира, — продолжал он, водя пальцем по корешкам книг. — Они осколки, эхо изнанки бытия. Мира, который древние маги называли Антибытием. Прорехи случались и раньше, но всегда были случайными, как удар молнии. Спланированная атака целой стаи... это говорит о том, что кто-то намеренно пробил брешь в ткани реальности.

Его палец остановился на книге без названия с обложкой из черной кожи. Он нажал на нее, и часть стеллажа бесшумно отошла в сторону, открыв за собой темную нишу. Из нее он достал старый, тяжелый бронзовый ключ, покрытый сложной вязью рун.

— Это ключ от Запретной секции нашей библиотеки, — он протянул его мне. Холодный металл обжег пальцы. — Ректор думает, что единственный экземпляр хранится у него в сейфе. Он всегда недооценивал любовь старых библиотекарей к дубликатам. Идите. Но, клянусь всеми богами, будьте осторожны. Там хранятся знания, способные свести с ума здорового и погубить слабого.

— Я буду искать информацию о подделке меток, — сказала я, сжимая ключ в ладони.

— Ищи, — кивнул он. Его взгляд стал очень серьезным, почти суровым. — Но слушай старого дурака. Ты думаешь, что у тебя две разные проблемы: твоя оскверненная метка и пропавшие студенты. А я думаю, что это две нити одного и того же черного клубка. Не зацикливайся только на метках. Ищи всё, что связано с Антибытием, с ритуалами призыва, с темной магией, которую называют «магией слияния»... и с практиками поглощения чужой жизненной силы. Ответ на твой личный вопрос может лежать там, где ты совсем не ждешь его найти.

Мы с Сонной покинули его келью, и дверь за нами тихо закрылась, снова погрузив нас в атмосферу страха и подозрений, царившую в Академии. Но теперь у нас было нечто большее, чем просто страх.

У нас был ключ. У нас был союзник. И у нас было направление.

Глава 15. Темное Слияние

Ночь была нашим единственным союзником. Под покровом комендантского часа, когда коридоры Академии погружались в густую, звенящую тишину, мы с Сонной начинали свою вылазку.

Она, закутанная в темный плащ, оставалась в тених главного зала библиотеки, превращаясь в чуткого стража, готового кашлем или упавшей книгой предупредить меня о приближении патруля. А я, сжимая в потной ладони холодный бронзовый ключ, подходила к неприемной, затерянной среди стеллажей двери.

Ключ вошел в замочную скважину с мягким скрежетом. Тяжелый механизм поддался нехотя, с глухим щелчком, который в этой мертвой тишине прозвучал как выстрел. Я замерла, прислушиваясь. Но в ответ — лишь стук моего собственного сердца.

Дверь со скрипом отворилась, выдохнув на меня волну застоявшегося, сухого воздуха. Он пах не просто пылью. Он пах забытыми секретами, увядшей магией и страхом тех, кто писал эти книги.

Запретная секция была не просто хранилищем. Это был лабиринт. Безумный сон архитектора. Стеллажи стояли под немыслимыми углами, создавая узкие, извилистые проходы. Некоторые фолианты были прикованы к полкам ржавыми цепями, словно дикие звери.

Другие тускло светились изнутри нездоровым, зеленоватым светом, а от третьих веяло таким холодом, что на их кожаных переплетах выступал иней. Воздух здесь был плотным, он давил на виски, и тихий шепот, казалось, исходил от самих страниц, предлагая знания, за которые придется заплатить душой.

Первую ночь я искала вслепую. Я листала трактаты по демонологии, где были изображены твари, заставлявшие Сумеречных Гончих казаться безобидными щенками. Я изучала гримуары по магии крови, от описания ритуалов в которых к горлу подступала тошнота.

Я нашла раздел, посвященный Антибытию. На пожелтевшем пергаменте я увидела до жути точное изображение Гончей, подписанное «Малый Эфирный Хищник, падальщик, привлекаемый прорехами в реальности». Слова мастера подтверждались. Угроза была реальной. Но это не приближало меня к ответу на главный вопрос.

На исходе второй ночи, когда глаза уже слипались, а голова гудела от прочитанного, я была близка к отчаянию. Я сидела на полу, окруженная горой книг, и тупо смотрела на свою уродливую метку. И тут в памяти всплыл совет Элиаса: «Ищи... 'темное слияние'».

Это словосочетание казалось странным, чужеродным. Но оно было моей единственной нитью. Я начала искать заново, просматривая каталоги, которые не трогали десятилетиями. Поиски привели меня в самый дальний, самый темный угол, где паутина висела седыми бородами, а пыль лежала таким толстым слоем, что я чихала, едва дыша.

И там, на нижней полке, заваленная рассыпающимися свитками, лежала она. Небольшая книга без названия. Ее переплет был сделан из гладкой, как полированный обсидиан, кожи, холодной и неприятной на ощупь. Она не была прикована. Она просто лежала. Словно ждала меня.

Я села прямо там, на пыльный пол, и зажгла на кончике пальца дрожащий магический огонек. Страницы были сделаны из тончайшего, почти прозрачного пергамента. Текст, написанный выпцветающими серебряными чернилами, ожил в свете моего пламени. Я листала, и вдруг мое сердце пропустило удар. Название главы: «Об инверсии священных уз и перераспределении сути».

Я впиалась глазами в строки. Сухой, академический язык автора делал описываемое еще более чудовищным. Я читала, и мир вокруг меня перестал существовать.

«...Ритуал Темного Слияния, по своей сути, является актом высшего магического воровства. Исполнитель, обладающий достаточной силой и знаниями, способен вторгнуться в священную связь между двумя Истинными...»

Я читала о том, как могущественный маг, используя сложнейшие формулы и артефакт-катализатор, может не уничтожить, а инвертировать метку. Вывернуть ее наизнанку. Ритуал высасывал из нее свет, любовь, саму суть связи, и наполнял ее тьмой и скверной. На теле жертвы, истинной носительницы, она расцветала Порочной Меткой — клеймом, которое лгало всему миру.

«...Оскверненная метка становится не просто знаком позора, но и якорем, через который Исполнитель может установить паразитическую связь с жертвой, питаясь ее эмоциональной энергией, в первую очередь — страхом и отчаянием...»

У меня перехватило дыхание. Все это время... мой страх, моя боль... они были для кого-то пищей?

Но дальше было еще хуже.

«...Для завершения ритуала украденная светлая суть связи должна быть помещена во временный сосуд. Ее можно "перелить" в другого человека, не имеющего истинной пары, создав на его теле сияющую, но абсолютно фальшивую Метку Истинной. Эта подделка нестабильна и со временем угаснет, но на короткий срок она неотличима от настоящей...»

Мистия. Ее сияющая, идеальная метка на руке. Она была создана из света, который украли у меня. Из моей любви. Из моей души.

Я сидела на полу в темном, пыльном углу, и меня трясло. Это был не просто заговор. Не просто подстава. Надо мной провели чудовищный, кошунственный ритуал. Меня осквернили. Превратили в источник питания для неизвестного мага, а мою любовь отдали другой, как трофей.

Кто? Кто мог обладать такими знаниями и такой силой? Ректор с его голодными глазами? Бас, который так отчаянно хотел меня контролировать? Или кто-то еще, скрывающийся в тених? В книге не было имен. Только сухая, безжалостная технология зла. Я поняла, что у меня нет доказательств. Лишь книга из Запретной секции, которую мне никто не позволит вынести. Обвинить кого-то — означало объявить себя безумной.

Я закрыла книгу, и ее обложка показалась мне ледяной. Я была одна. Совершенно одна против врага, чье могущество я не могла даже представить.

Пошатываясь, я выбралась из лабиринта. На востоке уже занимался серый, безрадостный рассвет. Сонна ждала меня, ее лицо было бледным от тревоги. Я ничего не сказала. Я просто открыла книгу на нужной странице и протянула ей. Она читала, и ее глаза расширялись от ужаса, а губы сжимались в тонкую, яростную линию.

Когда она подняла на меня взгляд, в нем не было жалости. Только стальная решимость.

— Мы найдем эту тварь, Илона, кто бы это не был — прошептала она. — И мы заставим ее заплатить.

Измученные и опустошенные, мы вышли из библиотеки на утренний холод. И замерли.

Массивные ворота Академии, так долго бывшие наглухо закрытыми, были открыты. Во двор въезжал небольшой отряд в дорожных плащах. А во главе, на вороном жеребце, с гордо поднятой головой, сидела она. Мистия. Ее рыжие волосы горели, как пожар, на фоне унылого утра.

Ректор Феникс лично вышел из главного корпуса, чтобы встретить ее. Он улыбался.

Я смотрела на нее, и ненависть, которую я испытывала раньше, показалась мне детской обидой. Я видела не просто любовницу моего мужа. Я видела сосуд, наполненный украденной у меня жизнью. Соучастницу. Врага.

И я поняла, что кольцо сжимается. Мой тюремщик не просто следил за мной. Он пригласил в мою клетку еще одного палача.

Глава 16. Возвращение к учебе

Ректор Феникс был мастером иллюзий. Не тех, что плетут менталисты на поле для маг-нибола, а куда более тонких и опасных. Он сот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.